

When quoting site materials, we ask that you provide the link to the original source that owns the authorship (<https://nevzlincenter.huji.ac.il/ukrainian-jewish-refugees-israel>) and the title of the project, "Ukrainian Jewish Repatriates in Israel: Jewish Identity in the Context of the Russian-Ukrainian war."

Each particular file should be quoted as follows: UJRI_Number_Informant's initials (e.g., UJRI_001_MG)
Thank you!

При цитировании материалов сайта просим указывать ссылку на источник правообладателя: (<https://nevzlincenter.huji.ac.il/ukrainian-jewish-refugees-israel>) и название проекта: «Еврейские репатрианты из Украины в Израиле: Еврейская идентичность в контексте войны России и Украины».

Ссылка на индивидуальные файлы: UJRI_Номер файла_Инициалы информанта (н-р., UJRI_001_MG)
Спасибо!

UJRI_062_K

Inf.: K., F., b. 1993

Int.: АК

Jerusalem, May 4, 2023

2 hours 07 min.

00:00:00

Int.: Вот где вы родились?

Inf.: Я родилась в Украине, в Лубнах, Полтавская область.

Int.: А, это ваш родной город?

Inf.: Да, это мой родной город. Я там жила до, ну до 7-го класса я училась там. А с 8-го класса я переехала в Киев, и я училась в еврейской школе там. После школы я уже прилетела в Израиль.

Int.: По Наале?

Inf.: Не, не по Наале, я закончила школу в Киеве. Я приехала по Маса, то есть сначала я приехала на программу Ор Хая, там было общежитие в центре города. Потом через какое-то время немного вернулась, оформила документы и оформила гражданство.

00:00:37

Int.: А семья была еврейской? Какие-то традиции соблюдались?

Inf.: Нет, семья у нас, я знала очень такие базовые понятия, то есть я знала, что всегда есть маца дома вместе с хлебом, конечно, но она просто есть. Я знала, что едят хлеб, ну яблоко с медом, и я знала, что есть Пурим.

Int.: Пурим именно?

Inf.: Именно Пурим. У нас было какое-то подобие общины, которое организовала моя бабушка, когда еще была жива. Она работала в регистратуре, она как бы была акушерка, потом работала в регистратуре больницы. Поэтому, соответственно, знала еврейские семьи. Вот поэтому она как бы знала, она там выросла, это тоже ее родной город, она знала много еврейских семей. И уже я не знаю точно, к какому году, но можно это найти, она организовала общину с людьми, которые, ну знали, что это точно еврейские семьи, которые остались.

Int.: Это уже в 90-е годы? Уже в независимой Украине?

Inf.: Да, уже как бы вот. И потом, и периодически мы там собирались. У нас там был по воскресеньям для детей какой-то детский клуб, там была какая-то активность, какое-то мероприятие, какие-то уроки танцев. Каждый раз что-то такое было, то есть я долгий период по сути туда ходила. А праздники – как бы они собирали всех представителей общины. То есть, по сути, тоже мой папа, который не еврей, ходил какое-то время. Дедушка тоже остался ходить после того, как уже бабушки не стало. То есть он как бы вот так община и осталась.

Int.: А в советское еще время бабушка что-то пыталась?

Inf.: Я не знаю, я много раз пыталась спрашивать маму, и она говорит: «я не помню», говорит: «единственное, что я помню...» что как я начала после школы соблюдать, так она начала видеть какие-то вещи и вдруг вспоминать. Она говорит: «ой, я помню, у нас был

отдельный набор посуды, который никогда не разрешали трогать. Трогали его где-то весной. Его доставали, немножко им пользовались, и прятали обратно».

Int.: Это мама говорит?

Inf.: Да. Я говорю: «мам, может быть, это был Пейсах?». Она говорит: «может быть, но нам же это слово не говорили. Просто вдруг менялась посуда без никакой-либо на это причины».

Int.: Это потрясающе, это то поколение, которое учит своих родителей. Обычно родители учат своих детей, а тут наоборот.

Inf.: Ну да.

Int.: Я вообще впервые разговариваю с человеком, который уже в СССР не жил.

Inf.: Ну да, получается.

00:03:14

Int.: А вот кухня какая? У бабушки что-нибудь было такое?

Inf.: Ну вот ее не стало, когда мне было 8, поэтому я не помню что-то такое особенное. Но вот мама то, что она рассказывает. Допустим, у нас сейчас есть другая община, которая в Украине, она находится в Галиче, и она последние пару лет доставляет трапезы новые на Рош ха Шана, и на Пейсах, включая симоним, включая всё, по количеству людей. И вот как-то в прошлом году, когда я была, то они доставили, и там были кнейделах. И мама просто открывает коробочку и говорит: «ой, я знаю – это кнейделах». То есть она это не видела кучу лет, скорее всего не слышала, она говорит: «а бабушка всегда делала к куриному супу». То есть ее мама, ее бабушка тоже, то есть моя прабабушка, я ее не застала. То есть она говорит: «ой, я знаю, что это такое».

Int.: Борщ со сметаной ели? Мясо и сметану?

00:04:10

Inf.: Да. Такого я узнала, наверное, первый раз только когда уже, я первый раз была в еврейском лагере, когда мне было лет 10, я была в хаббатском лагере. Там я взяла себе имя еврейское, у меня есть еврейское имя Гольди. Вот я была сразу Голда, потом оно интерпретировалось в Гольди, что было очень мягче, вот. И тогда первый раз это что-то узнала. Попала я туда случайно, было еще время летнего отпуска, каникул. И я уже была в обычных часто лагерях и всё такое, и оставалось еще время, нужно было куда-то меня еще направить. Ну как бы я очень любила лагерь, я на самом деле просила, чтобы мне продлили все эти смены, вот. И потом еврейская община вот эта, которая была, они предложили, они сказали, что есть еще один лагерь, но туда могут ехать только галахические евреи. Вот это, наверное, мое единственное понятие. То есть мы уже знали там, что есть да, есть нет. Но мы, я не имела какого-то понятия, что там да, кто-то нет, кто-то лучше, кто-то хуже. То есть я не имела какого-то такого понятия. И нас там буквально пару человек поехали, то есть, может быть, наверное, одна девочка поехала, ну приехала-уехала, а мальчики на отдельную смену.

Int.: А, то есть там отдельно.

Inf.: Да, это был отдельный лагерь, но...

Int.: Там говорили – правильные, не правильные евреи?

Inf.: Нет, я такого не слышала даже. То есть в моем понимании это были все евреи в общине, и всё как бы. На такие отдельные некоторые мероприятия, то есть так как было там от разных организаций, они знали, что просто не примут.

00:05:44

Int.: Так, и значит, вот до войны вы поехали туда проведать кого-то.

Inf.: Да, у меня есть сестра, ей сейчас 6 лет, то есть это был ее день рождения, на 5 лет.

Int.: Сестра родная?

Inf.: Да, родная. У меня есть брат, ему 10, и сестра, ей 6.

Int.: То есть вы старшая.

Inf.: Да, я старшая, мне 29, и как бы ну это от моего, от второго брака моей мамы. Но я тоже выросла с моим отчимом, то есть полностью вот.

00:06:18

Int.: А почему они не приехали к вам?

Inf.: Изначально, вообще в Израиль они как бы планировали очень давно, еще в 2000-х годах. У них стояла уже виза на ПМЖ, потом это отменилось, и прабабушка со стороны дедушки, она жила в Пензе. Она не была в восторге, говорит: «Тогда вы перестанете меня вообще навещать».

Int.: Русская прабабушка?

Inf.: Да, да. Получается, потом мой дядя, брат моей мамы, он был как раз в процессе развода, он разводился. И он, его как бы жена, они никак не могли договориться, как это всё будет оплата алиментов. Она ему не давала разрешение на выезд. Там нужно было как-то это всё уладить, и соответственно бабушка, то есть его мама, сказала: «я не поеду без двоих детей, если мы едем, мы едем все». И это никак не укладывалось в сроки. Я должна была в первый класс пойти в Израиле. То есть это изначально было в Петах-Тикву, потому что уже здесь жил мамин двоюродный брат на тот момент. И потом меня просто за две недели до школы пошли в первую попавшуюся школу, которая готова была меня принять за две недели до начала первого класса. То есть меня как бы морально готовили, что мы уезжаем.

Int.: А другие страны не рассматривали, кроме Израиля?

Inf.: Я не слышала. Это я знаю, просто стояла виза на ПМЖ с моей фотографией, со всем.

Int.: Потому что Америка тогда еще пускала, Германия пускала.

Inf.: Я не знаю, возможно, бабушка настояла. Вот как я вот не знаю.

Int.: Ну а потом-то они почему не приехали?

Inf.: Потом как бы уже ситуация стала лучше в стране изначально. Папа мой открыл столярную мастерскую, мама открыла бизнес, сейчас у нее магазин электротоваров. То есть как бы небольшой, но это ее. То есть как бы уже ситуация наладилась еще и до этого. Просто был какой-то период, когда было тяжелее и думали: «может быть поехать», и плюс уже стали старше, они начали думать: «а как мы будем учить язык, а как там дальше будет?» И всё, и на этом как-то остановилось.

Int.: То есть вы были единственной израильтянкой такой, ну, кроме двоюродного брата.

Inf.: Да, ну да, который в итоге тоже вернулся в Украину. Он пожил здесь какой-то период, он встретил свою жену, которая оказалась нашей дальней родственницей. Которые они жили в Украине на расстоянии 40 километров друг от друга всю жизнь и встретились в Петах-Тикве, и она как-то приехала сюда по программе, и как-то она себя не очень нашла, ей, прям, не очень. Она очень хотела вернуться домой, и они просто вернулись домой, и потом они просто переехали жить в Миргород. Она сама из Миргорода, вот они переехали жить в Миргород. Был еще какой-то период, когда они возвращались сюда на работу, может быть года на полтора, два, но в принципе... То есть он очень любит Израиль, и в его понимании вернуться хоть сейчас, а ей удобно быть там, где она выросла.

Int.: И вы поехали на день рождения сестры.

Inf.: Да.

00:09:31

Int.: А не было еще до этого разговоров, что вот обстановка там уже какая-то...

Inf.: Были разговоры. На самом деле я поехала сюрпризом, первый раз. Мы должны были, мы хотели в прошлом году лететь на горнолыжный курорт. Мы хотели ехать кататься на лыжах. Потом моего парня, жениха, у него на работе был какой-то курс иштальмут, и он очень хотел на него попасть. И этот курс попадал как раз в эти даты. И он говорит: «давай, а может быть, ты полетишь на неделю в Украину. Так хотела попасть на день рождения

сестры, а вечно не попадаешь». Говорит: «а потом приедем, 5 дней я смогу другие взять». Я такая: «ну окей, в принципе». И как раз я посмотрела, и недорогие были билеты.

Int.: Сколько тогда стоили?

Inf.: Около трехсот долларов туда-обратно с чемоданом, с багажом, то есть как бы не...

Int.: Прямым рейсом?

Inf.: Да, да, прямым рейсом всем еще. Все как бы, ну, окей, замечательно. То есть как бы были уже разговоры, даже я помню, и так как я прилетела сюрпризом, обычно прилетаю, меня забирает папа из аэропорта. То есть я никогда в жизни не добиралась оттуда на транспорте. То есть я не знаю, как это работает. Вот, и я вызвала бла-бла-кар.

Int.: До Киева?

Inf.: Ну до Борисполя, получается до Борисполя, и я вызвала бла-бла-кар, это такая услуга как перевозчиков, которые ездят по стране. На самом деле очень хорошо работает, вот. Я договорилась, один меня немножко не нашел по месту нахождения, он уехал в другое место в аэропорту. Ну в общем, я нашла другого водителя, который ехал прямо по маршруту.

Int.: И сколько километров?

Inf.: Это где-то километров 250, чуть меньше, что-то такое. То есть это не...

Int.: Часа 4.

Inf.: Ну в принципе это прямая трасса, это вся прямая хорошая, кстати, трасса, это до трех часов, ну если без остановок. Где-то так.

Int.: И это типа 18-е какое-то число.

Inf.: Это как раз было, вот день рождения 19-го, 19-го день рождения – это была суббота. А то есть 18-го утром я прилетела. 18-го прям ночью. И были уже разговоры, мы еще с этим водителем ехали в дороге, и он говорит: «да ничего не будет, всё будет хорошо». Говорит: «ну максимум там где-то в Донецке». Говорит: «все будет хорошо». Он говорит, и он как раз рассказывал: «я там путевку себе взял куда-то, я там через пару недель куда-то там лечу, там куда-то в Турцию, там как раз тепло, вот новые кроссовки».

Int.: А водители всегда, таксисты и водители всегда лучше всех знают.

Inf.: Ну вот, и как-то так. И я говорю: «да нет, ну скорее всего все будет хорошо». И как-то мы всё это обсуждали. В итоге он оказался еще, как называется, он собирал монеты, я сказала: «я из Израиля, слушай, хочешь, у меня есть пару штук», вот. И он такой, он довез меня даже не до города, а прям до дома в городе.

Int.: А вот не обсуждали, что там 16-е вроде дата была, а это уже после 16-го...

Inf.: Ну вот, не было такого слова, то есть большинство людей, он киевлянин, он как бы работает на междугородние именно рейсы и берет себе попутчиков для того, чтобы...

00:12:51

Int.: О правительстве, о Зеленском ничего не говорил?

Inf.: Нет, тогда еще как бы нет. Но, допустим, я знаю много людей, которые, у них была позиция, когда Зеленский пришел к власти, мол, «что это за клоун?» Приблизительно такая позиция.

Int.: Было такое?

Inf.: Очень много.

Int.: В России такое было.

Inf.: Здесь тоже было, здесь очень много достаточно людей, которые ну как бы не воспринимали.

00:13:16

Int.: А то, что он еврей, как-то обсуждали в обществе?

Inf.: Как-то я особо не слышала, если честно. Если честно, и так есть много людей при власти, которые евреи.

Int.: А много?

Inf.: Если начать проверять каждого, то много.

Int.: Ну там и Гройсман, там и Резников. И не скрывают этого.

Inf.: То есть все это прекрасно знают. Я когда училась в школе в Киеве, то нам периодически раввин, который был в школе, тогда мы меньше в это вникали, но в принципе, он привлекал постоянно нам спонсоров. Каким образом он привлекал спонсоров? Они периодически приезжали на какие-то праздники. Это всегда приезжала пара машин с охраной, то есть все серьезно. То есть мы понимали, что это приехал кто-то как бы важный, но никто особо не понимал, ну какой-то министр, ну не министр. Какая разница, кто приехал, какое он имеет к нам отношение. Когда-то приехала Вера Брежнева с кем-то, вот тогда было интересно. А когда какие-то министры – ну кому интересно, кто там приехал.

Int.: То есть здесь возможно и так, и так. С одной стороны, антисемитские какие-то вещи могут поползти.

Inf.: Ну да.

Int.: Что вот столько евреев, все захватили. А с другой стороны, наоборот, я в Украине много записывала, что наоборот, вот евреи умные, богатые, у них связи. Это хорошо, что у нас президент – еврей.

Inf.: Ну да, как бы, ну, вот такое я тоже слышала. Вот допустим, у меня папа, это мой отчим, но он меня как бы удочерил там, когда мне было чуть меньше трех лет. Поэтому я выросла с ним, я знаю своего биологического отца, но с ним я не общаюсь обычно. И он уже всегда так шутит: «я в некоторых ситуациях уже больше еврей, чем вы». Он уже шутит: «поживешь, уже наберешься, ничего не сделаешь».

00:15:04

Int.: Так, и вы приезжаете, и большой сюрприз, ура-ура, да?

Inf.: Да, да, и мне мама с дороги показывает фотографии, что там накрывает столы, накрывает это.

Int.: А, то есть вы уже написали, что вы в дороге?

Inf.: Не, я не написала, что я в дороге. Я просто переписываюсь, как будто как обычно пятница, мама знает, что я соблюдаю шабат. Соответственно, мне это нужно скинуть до, потому что потом я просто не вижу. Она мне показывает, как она накрыла, говорит: «жалко, что тебя здесь нет». Это просто обычно как-то моя обязанность с детства, сервировка стола. Вот именно складывать салфеточки, только у меня было на это терпения на 40 человек. На 30-40 человек, сколько бы там ни было. Я говорю: «ой, да, красиво. Молодцы, ой...» – а я в дороге как бы, я уже еду в дороге. То есть я знаю, там еще там часа полтора, мы там еще остановились кофе попить, и мы поехали дальше. Я ж понимаю, что я там скоро буду. Вот, и в итоге тут я просто знаю плюс-минус они дома, просто у меня нет ключей. Как бы я их обычно с собой не беру, потому что я не вижу смысла брать их в Израиль, я знаю, что там есть дополнительный набор ключей. И подъезжаем мы под дом. А у меня почему-то перестала работать местная сим-карта, поэтому я вставила глобал-сим, потому что он всегда работает, вот. И этот водитель, который меня подвез, он говорит: «ну звони уже как бы чтобы я знал, что тебя высадил». Я звоню, мне никто не отвечает. Он говорит: «может, их дома нет». Я говорю: «да слушай, ну полчаса назад они прислали фотографии. Может они ушли что-то купить, как бы это здесь не очень далеко». Он говорит: «не-не, я уже с тобой подожду». Просто он попросил в дороге, чтобы я настроила настройки этого бла-бла-кара, что он не мог взять больше чем одного попутчика. Это нужно было покопаться. Я говорю: «давай, я люблю такое делать, в рейсе тебе понастраиваю».

00:16:43

Int.: Вы по-русски с ним говорили?

Inf.: Да, да.

Int.: А украинский у вас хороший?

Inf.: Ну нормальный, то есть как бы мне всегда проще. Я училась в русскоязычном классе до 7-го класса, а потом в Киеве все уже предметы в школе были на украинском

языке, соответственно. Но в Киеве большинство населения, оно больше русскоязычное. То есть даже когда я приехала в общежитие, то какие-то девочки с общежития хотели меня ввести в курс дела. И одна так взяла надо мной поручительство, она говорит: «если ты хочешь стать местной, есть пару слов, которые нельзя говорить. Здесь нет подъезда, здесь только парадное, здесь не говорят по-другому. Ты должна к этому привыкнуть, потому что ты слишком себя сдаешь».

Int.: Ну это не разница между языками, это скорее такой местный, как Москва-Петербург.

Inf.: Ну да, местный. Да, ну вот это не разница между языками, но говорит: «чтобы не думали, что ты из другого места».

Int.: Но на украинском языке необязательно?

Inf.: Нет, не было вообще такого чувства.

00:17:43

Int.: И вот вы подъезжаете.

Inf.: И вот я подъезжаю, в итоге я позвонила, говорю: «мам, открой, пожалуйста, калитку». А она знает, что я должна была, может быть, доставить ей доставку шариков. И я сказала: «слушай, так как это выпало в субботу, я, может, доставлю это на пятницу, чтобы я могла это проконтролировать, что они пришли». И они выходят с папой, что нужно забрать шарики, что это как бы огромный этот пакет, и тут как бы я стою с чемоданом. Ну в общем, все в шоке, сестры с братом дома нет, потому что она в садике, он в школе. Все радостные, все в шоке, что я приехала. И плюс еще помощь приехала дополнительно. Вот, и мы первым делом едем забрать брата. Как раз он приехал, подошел со школы, школа находится недалеко от маминого магазина. То есть он просто приходил уже пешком туда. И он так заходит, первая реакция: «ой, а ты чо тут делаешь? А ты как здесь оказалась?» Вот, и Маша, потом я зашла просто за ней забрать ее в садик. Познакомилась заодно с ее воспитательницей. Потому что до этого, когда я была, была корона. И в корону садика не было. Вот, и дальше мы продолжаем всю эту подготовку к празднику, всю эту готовку. Плюс мама начинает переживать, так как если я ем кошерное, что же я сейчас буду есть. То есть она говорит: «я же не приготовилась. Всегда есть что-то, чтобы ты не была голодной». Я говорю: «не переживай, я как раз с собой привезла». Потому что я знала, что я не успею сделать доставку кошерных продуктов по Украине.

Int.: С собой привезли что-то?

Inf.: Я просто привезла с собой что-то мороженое там, какую-то курицу, какие-то такие вещи.

Int.: Замороженную через границу разрешали?

Inf.: Ну как бы разрешают, я привезла одну пачку. Чего я там, какую-то колбасу. Ну какие-то такие вещи, если вдруг что. Я говорю: «мама, организуем рыбу, сделаем, запечем рыбу. Все будет в порядке». Говорю: «не переживай за меня, здесь тем более есть много салатов, много овощей. Все в порядке». То есть какие-то такие вещи. И плюс я взяла, мне до этого подарили набор такой для выпечки, и там много было там этих дрожжей сухих и все такое. Как бы я особо не пеку, и я их так в последний момент захватила. «Ой, думаю, у меня есть место в чемодане, думаю, маме точно пригодится». Я взяла эту пачку одну сухих дрожжей и еще одну какого-то разрыхлителя там, вот сколько там было, просто в этом наборе. И плюс закончилось это празднование, то есть уже были немножко разговоры, но все были налегке, никто...

Int.: Были уже какие-то разговоры?

Inf.: Да, уже были какие-то разговоры: «а что будет, а что будем делать, а вдруг».

Int.: То есть, насколько я знаю, правительство пыталось успокоить народ, что ничего не будет. И вот эта фраза Зеленского, что 9 мая будем шашлык все жарить.

Inf.: Да, да.

Int.: А люди упорно какие-то слухи между собой распускали?

Inf.: Ну понятно, что это в конце особенно, когда сидит большая группа людей, которая редко встречается, в итоге это все равно приходит к обсуждению власти, политики, как-то приходит к этому. Ну как-то так, то есть это было больше так, в плане, потому что все равно все собрались праздновать день рождения, петь караоке дома. У нас так всегда делается. Мы живем в частном доме, поэтому это вообще возможно.

Int.: И долго вот так долго обсуждали международную обстановку?

Inf.: Нет, особо нет. Особо это было недолго, в течение вечера, ну и как бы все это празднование кончилось до следующего дня.

00:21:19

Int.: А что-нибудь конкретное говорили про Путина, про Зеленского.

Inf.: Ну я особо не слышала, потому что я как бы не присутствовала все время. Но у меня просто папа на тот момент не поддерживал Зеленского, он вообще, он не поддерживал. Он его считал просто марионеткой, которую поставили управлять.

Int.: А чьей марионеткой?

Inf.: Ну он говорит: «кого-то, я не знаю, чья именно. Были варианты, говорит, я не знаю, чья, но вот им было нелогично, что вот сняли фильм, людям запудрили головы, рассказали такую красивую сказку после сериала, и вот в это всё поверили и начали голосовать».

Int.: А не говорили, может быть, в тот день или в какие-то другие времена, что Зеленский – это проект Коломойского?

Inf.: Тоже говорили, да, да, была такая версия. Говорили, может быть, Коломойский, может быть, нет. Были варианты.

Int.: И тут вообще богатая почва для антисемитизма. Один еврей толкает...

Inf.: Другого, да, вообще. Но вот, ну так как у нас дома, все наши знакомые, друзья мамы все прекрасно знают, что мы евреи, все прекрасно сейчас на тот момент знают, что я ем кошерное. То есть даже многие спрашивали, что это такое, то есть нету какого-то такого чувства. Ну окей, просто «объясни нам, а что это такое?»

00:22:35

Int.: То есть бытового антисемитизма какого-то нет?

Inf.: Нет, вот сейчас точно нет. Единственное, которое было, наверное, вот в школе, в классе так в шестом, в седьмом, у нас была учительница по русскому языку и литературе. И у нее периодически, когда мы там что-то плохо себя вели, хотя мой друг был не еврей. Это сын моей мамы лучшей подруги на тот момент был. Мы учились вместе, и в садике, и в школе сидели вместе, то периодически, когда мы там что-то устраивали, она говорила: «что вы думаете, что ты думаешь, ты самая умная, потому что еврейка?» У нее были пару раз такие высказывания.

Int.: Прямо так?

Inf.: Да, и как-то раз я там, ну я...

Int.: Значит, в каком году вы в школу пошли получается?

Inf.: Я пошла в 2000-м и закончила в 2010-м, у меня ровно вышло. Вот, и поэтому было такое высказывание, ну буквально пару раз, но я так особо не придавала этому значения, потому что для меня это там особо что-то не значило. Вот, а мама мне уже рассказывала, что я этого как бы не знала. Она мне это рассказывала уже в более старшем возрасте, у нас была какая-то такая мини война между классами. Кто-то там делил мальчиков, я не знаю. Кто-то там с кем-то встречался, там вообще какая-то была история. Или кто-то там встречался с кем-то из соседнего класса, и как-то там посмели пойти на территорию чужую. Ну как-то там такая была непонятная, что-то делили. И в итоге мы были виноваты тоже в этом всем. В нашем классе мальчиков было намного больше, чем девочек изначально. Поэтому как-то так вот сложилось. И потом мне как-то пришла записка. И там была как раз вот что-то типа с такой. Я не помню, я не знаю, что там точно

написано было, что именно вот убирайтесь отсюда, вот вы евреи, что-то такое. А мама эту записку нашла.

Int.: А про вас знали?

Inf.: Да, я это сама в первом классе рассказала.

Int.: А фамилия не еврейская?

Inf.: Нет, фамилия нет. И. – это фамилия папы, папа из Беларуси. То есть фамилия никак...

Int.: А как тогда соученики знали?

Inf.: Во-первых, когда я была в первом классе, я рассказала сама. Потому что бабушка мне рассказывала, что ты, вот, особенная. Только она мне как-то не уточнила, что эту особенность, может быть, не нужно всем рассказывать. Что-то нам говорили: «вот будьте как все, что-то там всем нужно делать, и вы тоже делайте». Ну я встала, я говорю: «а я особенная, я еврейка, значит я так делать не буду, всё». Ну как-то так.

Int.: То есть уже такого бытового антисемитизма вы не чувствовали?

Inf.: Нет, вот тоже у нас был мальчик, который еще тоже ходил со мной в общину, он был со мной в классе. Потом какой-то был период, еще какие-то люди вдруг объявились. То есть или нашлись документы, или уже нет. Как-то, потому что община очень начала помогать. Были какие-то праздники, были какие-то мероприятия, были какие-то продуктовые наборы пожилым людям.

00:25:33

Int.: Так называемые «новые евреи», которые всю жизнь были украинцами, молдаванами, русскими. А когда стали давать наборы, они стали...

Inf.: Вот, ну как бы, ну никто не знает, да, нет. Никто особо там, ну понятно, что мы же не проверяли, но вот я помню очень хорошо, что вот с начальных классов там, мальчик Ярослав, который в итоге тоже в какой-то момент учился в этой же еврейской школе в Киеве, и его родители переехали в другой город. И поэтому, когда я туда переехала, он как раз уходил со школы, потому что родители его решили переехать в другой город и заодно его забрать.

Int.: То есть вот вы там сидите, какие-то нееврейские знакомые за столом, интересуются, что такое кошер, интересуются жизнью в Израиле, все нормально.

Inf.: Да, то есть как бы уже все довольно привыкли, узнали. Ну кто-то, кому-то это странно, кому-то менее странно, но нету каких-то таких там вот высказываний. Потому что в итоге, как они говорят, в итоге вкусно выходит.

00:26:29

Int.: И вот, значит, проходит этот день, там что-то пообсуждалось.

Inf.: Да.

Int.: Следующее 19-е, и что дальше?

Inf.: Следующее 19-е – это было как раз день рождения, 20-го, вроде, как пришли еще, только близкие люди просто, дальше. И все как будто обычно. Уже начали немножко говорить, что, мол, всё, не будет вылета, не будет ничего, вот. И мне начал уже Дима, мой парень, он говорит: «может, надо выезжать, надо вылетать» – «да неважно, все будет хорошо».

Int.: А кто говорил про то, что не будет вылета?

Inf.: Ну это в соцсетях. Соцсети, народ уже было такое – закроют, не закроют аэропорт, непонятно.

Int.: А когда дипмиссии эвакуировали, израильскую и американскую из Киева? Потому что это произошло за несколько дней до 24-го, и тогда уже очень активно начал народ.

Inf.: Сейчас не помню, это как-то я не помню, вот. Я помню хорошо, что как бы именно 24-е, что это был четверг, получается.

Int.: Значит, вот народ начинает обсуждать, что могут закрыть границы.

Inf.: Да, но еще никто особо не собирается, никто не двигается, никто не собирает вещи.

Int.: А вы на сколько прилетели?

Inf.: На неделю, то есть у меня билеты там 26-го, 28-го, только буквально там пару дней после, что-то такое. И то я хотела там сразу раньше, а потом были более удобные билеты, в общем, как-то вот так сложилось. И ну и плюс моя была позиция, я, когда был коронавирус, когда он начался, я полетела тоже в Украину и там я застряла. Поэтому у меня уже было такое: «ну ладно, уже один раз была, ничего, немножко посижу и выйду». У меня как-то так, если вдруг что, я знаю, что делать. У меня было какое-то такое чувство уже. Потому что первый раз, когда я там застряла, у меня было такое: «а как, а что я там буду делать? А тут у меня квартира, а у меня собака, а куда мне это все деть? А как мне это организовать?».

Int.: Но корона как бы уже сняла такие волнения?

Inf.: Да, мы как бы прошли уже, мы вроде...

Int.: Называется «застрянец», есть такое слово.

00:28:38

Inf.: Да, да. Вот в итоге, когда у меня мой двоюродный брат, то есть мамин племянник, моего дяди, он живет в Киеве со своей женой и с ребенком. Он меня младше, ну вот, и когда мы увидели первые новости, что атаквали Киев, то соответственно, первое было: «надо звонить тем, кому мы знаем, нужно понять». А у меня много одноклассников из Киева, потому что я там училась. И я так села, говорю: «я даже не могу сейчас всех вспомнить, а кто у меня в Киеве». Первых каких-то там сразу, кто-то там в Ватсапе, кто-то в соцсетях, кто-то в инстаграме. Хотя бы узнать, что происходит с людьми. Понятно, что не все сразу ответили. Вот, и единственное что, вот у меня есть подружка, которая жила в Киеве, она киевлянка, у нее муж киевлянин, и они жили на Подоле. То есть они часть еврейской общины, и они уехали, наверное, за неделю, так дней за 10, они переезжали пару раз, они были там в стороне Бердичева, и...

Int.: Они уже сознательно бежали от войны?

Inf.: Они как бы представители хасидской общины карлин-столинских хасидов, и их предводитель сказал, что нужно выезжать. И они просто всей общиной собрались, так как они идут по тому, что им адмор говорит, собрались и уехали.

Int.: Это интересно, потому что я знаю, что была еще община из Донецка.

Inf.: Да, да, там есть, да.

Int.: Там даже они что-то не поделили на Подоле.

Inf.: Да, да. Есть такое.

Int.: Вот, и те, у которых уже был опыт беженства от военных действий, они очень всех подбивали немедленно уезжать до начала войны. Вот, я не знаю там, уехали или нет, но у меня есть такое ощущение, что в еврейской среде как-то уровень волнения был повыше.

Inf.: Ну да, но так как у нас в городе нет прям такой еврейской общины, хотя в итоге, как оказалось, руководители самой общины уехали прям в последний день выезда. Они, оказывается, все это время готовили документы, у них просто не были готовы документы. У них живет и сын здесь, по-моему, в Лоде, я не уверена где. И как бы они, получается, бросили общину без никого. В итоге секретарь начала там руководить, пока их не было.

Int.: А, то есть они уехали за несколько дней до...

Inf.: Буквально да, они как бы не предупредили, то есть они не сказали, что они едут на постоянное место жительства, что они меняют. Сказали, что они просто оформляют документы, чтобы пустили в гости к сыну. То есть это то, что знали люди. Это такая пожилая пара, которая там давно, это еще как бы знакомые моей бабушки и дедушки, то есть я их помню еще в детстве. Просто там есть пару таких семей, вот я их помню, сколько я себя помню, столько вот они там были. И они собрались и уехали, а общину оставили. Там

есть какая-то деятельность, и опять же, те же какие-то наборы, которые там на Пейсах, кто-то там должен ходить, раздавать, проверять, что кому нужно. Какие-то там лекарства. И получилось, что секретарь, которая... Она говорит: «по сути, я и так все это делала, просто фактически это не моя, которая не моя была должность». И как-то так получилось, что она начала этим всем руководить, пока там никого не было.

00:32:04

Int.: А можно такой философский немножко вопрос: вот смотрите, вот начинается война. Евреи чувствуют себя более уязвимыми или менее уязвимыми?

Inf.: Честно? Сейчас надо подумать, наверное. На самом деле, во-первых, когда началась война, и у меня было чувство, что, во-первых, в Израиле уже как бы я пережила какие-то там операции, я работала в колл-центре «Сто шесть», то есть говорила людям, где прятаться. У меня, единственное, было какое-то спокойствие. Что даже если что, что мы будем делать, и как бы хотелось мне верить, что сейчас не будет никто просто так расстреливать, не устраивать братские могилы и все такое. Ну, то есть, тяжело мне было в это верить, что 21-й век, у нас тут такая технология. Ну мне просто было тяжело в это поверить.

Int.: Имея израильский опыт, вы как раз и понимали, что как раз и может всё быть.

Inf.: Да, потому что в Израиле есть много городов, поселений, которые привыкли так жить. У них это просто часть их рутины, с которой они научились жить. Потому что, когда начинались первые сирены – они не работали, их не было просто. Сирена была просто на телефоне в приложении. Приложение тоже сразу, его разработали буквально там за день, за два. Открыли группу в телеграм-канале, и в телеграм-канале или в фейсбуке приходило оповещение, что вот: «сейчас сирена, тревога, пройдите в укрытие».

Int.: Ну, наверное, не у всех, у харедимов, наверное, нет, у них же кнопочные.

00:34:01

Inf.: Нет, я говорю, которые сейчас в Украине. Нету сирены, которая работает. Это опять же не работала кучу лет, никто это не поддерживает, потому что «а зачем?» Даже места, в которых есть бомбоубежища, которые пооставались в зданиях еще со Второй мировой как бы – они все как склады используются.

Int.: Я читала про блокаду Ленинграда, когда там все налеты, налеты, в какой-то момент люди переставали ходить в бомбоубежища, привыкали. И здесь сейчас то же самое.

Inf.: Да, в какой-то момент было так. Мы то, что мы сделали дома, у нас есть непроходная комната. Эта комната – библиотека. Как раз там в ней стоит как бы шкаф и фортепиано, и получается, она единственная без окон. Но с одной стороны она вообще без окон. С другой стороны она ведет в зал, и там есть арка. И единственное, что папа предложил, так как у меня папа столяр, эту дверь поставить и как бы забить ее. Ну хотели поставить какую-то доску. Он говорит: «она по сути ничего не сделает. Она скорее всего не спасет». Просто мама у меня ходила, очень беспокоилась, что будет, как будет, давайте заклеивать окна. И пытались, и папа пытался ее хоть направить на то, что «слушай, можно заклеить. Если тебе поможет заклеить, но по сути ничего особо они не помогут. Мы просто потратим время на эти заклеивания окон».

Int.: А вот это правило двух стен? Люди уже знали об этом?

Inf.: Да, да, правило двух стен начало появляться в интернете. Я видела в интернете картинки, друг другу люди пересылали, и все такое. А так как я уже из Израиля, я уже знала это правило двух стен.

Int.: А, оно и здесь есть такое?

Inf.: Да, есть правило двух стен. Что если находитесь в здании, в котором нет бомбоубежища, вам нужно выйти обычно на лестничную площадку.

Int.: На второй этаж, я знаю. Потому что ударная волна по первому.

Inf.: Вот, да, вот как бы и желательно на лестничную площадку, если там нет окон. Если там есть окна, то есть в Израиле тоже не везде есть бомбоубежища.

Int.: То есть, вы ваш опыт израильский тоже уже привносите.

Inf.: Да, да, то есть мама, я пришла к ней на работу, и она говорит: «расскажи тут людям». И они меня еще так рассматривают: «как ты это спокойно так рассказываешь». Ну как бы мне хотелось верить, я говорю: «ну слушай, ну как бы там ПВО работает, там все такое», я говорю: «это все должно сработать, да?» И потом мои были все сообщения, как нужно собирать тревожный чемоданчик.

Int.: Тревожна вализка.

Inf.: Да, да.

00:36:30

Int.: А до войны не было про тревожный..?

Inf.: Ну как-то, может быть, было что-то такое по телевизору, но особо никто не видел.

Int.: Мне одна женщина молодая в Киеве, она работала в какой-то сетевой фирме, она говорила, что за 2-3 недели, во-первых, вооружили всю вневедомственную охрану, и всем в обязательном порядке завести тревожную вализку.

Inf.: Ну может быть, это было чуть раньше, но так как меня там не было, то я не знаю. И тоже был вопрос, надо что-то собрать, потому что – а как собрать целый дом?

00:37:06

Int.: Какие ваши первые, вот у мамы вашей какие были планы?

Inf.: Мама, это первое – документы об еврействе, потому что они сохранены в очень и так хорошем состоянии до пра-пра-прабабушки. Потому что они понимает, что это документы, с которыми можно выехать в Израиль. Всем представителям, всем членам семьи. И эти документы должны быть сейчас в самом вот. Плюс там, понятно, деньги, украшения. Все, что как бы можно если что продать или забрать, и базовые обычные документы.

Int.: Реликвии семейные какие-то?

Inf.: Нет, то есть что-то такого не было. Она взяла только какое-то кольцо прабабушки.

Int.: Оно одновременно и драгоценность?

Inf.: Оно да, как бы да, вот. Потом, соответственно, собрали еду, какие-то там, не знаю, сухарики.

Int.: Сухарики – это классика.

Inf.: Ну да, такое как было, какие-то там консервы. Ну все, что и было дома, потому что начали уже тоже, продукты уже начали заканчиваться в магазинах.

00:38:02

Int.: Паника началась?

Inf.: Паника началась, паника между людьми началась, люди начали пытаться скупить все, что можно скупить. А у меня мама и так очень запасливая. У нас дома стоит холодильник, морозилка и морозильный ларь, который она год до этого купила, и ей все рассказывали: «зачем он тебе нужен? У вас всего лишь двое детей, двое взрослых». Еще с нами тогда жил дедушка, дедушка тогда был жив. Но дедушка сказал: «тебе нужен ларь – значит, покупай ларь. Вот тебе моя пенсия, я хочу, чтобы ты купила ларь». И в этот момент, так как она все любит покупать впрок, все морозить и куча всего, тут оказалась очень много продуктов дома. И плюс есть такая как бы помощь от еврейской общины – это сертификаты, которые даются раз там в пару месяцев, на продукты, которые можно обналичить в «Сельпо». Вот.

Int.: То есть не кошерные, а просто вот продукты?

Inf.: Просто. Они ограничивают, что нельзя покупать алкоголь, табак.

Int.: Свинину.

Inf.: Мясо они не разрешают обычно, хотя был период, когда они разрешили покупать курицу, вот. И все остальное, то есть это не по списку. То есть они не говорят: «вот такое печенье вам надо, не надо».

Int.: На самом деле я просто уже знаю, что «Сельпо» – это марка магазина.

Inf.: Это марка магазина, и там один из владельцев как бы еврей, но не помню, кто точно.

Int.: Нет, просто, когда мне первый раз сказали «сельпо», я представила себе такой маленький магазинчик сельский, а потом мне объяснили, что это совсем другое.

Inf.: Нет, это такой большой сетевой магазин, который есть по всей вот как не знаю.

Int.: А скупать начали бегать люди?

Inf.: Да, а так как у нас «Сельпо» нет в городе, то есть обычно это нужно было, то есть ближайший находится в Миргороде как раз. То есть обычно периодически ездили в Миргород в гости и заодно обналичить этот сертификат. Иногда пару сертификатов сразу. До этого собирались поехать перед днем рождения и как-то не успели в связи со всей подготовкой. Поэтому всегда изначально было очень много вещей дома, там консервы, сухие и тут первый раз их было ну не много, но не было много закрытых. И уже ехать не было смысла, потому что мы позвонили туда в Миргород и говорят: «слушай, пустые полки, тут уже почти ничего нету. Ну есть там не знаю, оливковое масло, какие-то вещи», которые еще там относительно дорогие для Украины.

Int.: То есть люди все смели.

Inf.: Да, вот. И папа мой говорит: «давай тоже пойдем что-то купим». Вот единственное, что он уговорил маму, говорит: «давай купим мешок сахара» – «Зачем нам мешок сахара? Сейчас же, ну как бы только летом какое-то там варенье, консервация». И у какого-то знакомого знакомого, который доставляет это обычно напрямую как поставщик, он нам привез, наверное, килограмм 20 сахара и такой же килограмм 15 муки такой, мешок, который еле дотащили. Вот это единственное, что мы папу послушали и купили. Мама: «давай не будем создавать панику, давай не будем». Говорит: «у нас как бы есть, может, у кого-то действительно там нету, давай не будем создавать панику».

Int.: Ну это фактически вам по знакомству привезли.

Inf.: Да, да, это знакомые. Это бабушка одной из подружек работниц моей мамы.

Int.: Ну то есть это не поступило в магазин?

Inf.: Не, не, то есть в любом случае это человек, который не продает напрямую в магазин, он продает и так через склады, и так как это маленький город – это как бы можно организовать по месту. Потому что, допустим, через пару дней после, эта цена возросла уже раза в 4, потому что на сахар и муку, потому что ее уже нигде не было. И уже были разговоры, когда уже прям совсем началась война, уже были разговоры о том, что там уже перестали хлебозаводы, перестали работать этот, там нужно печь хлеб. И потом мы вспомнили с мамой что, когда я была в школе, я дарила ей хлебопечку. «Ой, давай поедем, полезем на чердак, посмотрим, если она еще рабочая». Отчистили ее.

Int.: Такая круглая, да.

Inf.: Да, да, она очень хотела в школе, а я как бы получала такую стипендию за уроки, и я вот подарила на день рождения эту хлебопечку, вот. И в общем, начали ее отчищать, проверить – рабочая, все работает, то есть она там хранилась хорошо.

Int.: Хлеб есть, консервы есть.

Inf.: Вот, я говорю, а потом я вспомнила, что я привезла с собой дрожжи. Я говорю: «мам, у меня есть пачка дрожжей, их там 125 грамм, но там по рецепту на хлебопечку нужно буквально чайную ложечку, иногда пол чайной ложечки. То есть по этому принципу тут хватит, говорю, минимум на месяц-полтора, а дальше придумаем какой-то еще вариант».

Int.: Вот кошерность как спасла-то.

Inf.: Вот что-то придумаем. У меня тоже мама начала спрашивать, говорит: «ты же понимаешь, что сейчас не будут делать доставки, что ты будешь есть?»

00:43:00

Int.: А уже понятно, что 26-го никуда не вылететь.

Inf.: Уже все, тут уже все понятно, что уже никто никуда не вылетает-выезжает.

Int.: Закрыли же аэропорты сразу.

Inf.: Да, да, тут уже понятно, и вокзал изначально закрыт, потому что все что могли, направили в ту сторону, откуда можно эвакуировать, соответственно.

Int.: У меня есть фотография Харьковского вокзала, она ходит по интернету. Там два поезда стоит и абсолютно все запружено народом.

Inf.: Вот да, я видела, что пару таких фотографий люди сфотографировали в черно-белом и сделали так, как в «Списке Шиндлера», что одно красное там пальто, по такому прототипу.

00:43:44

Int.: А вы не фотографировали, кстати?

Inf.: У меня есть фотографий чуть-чуть буквально, я поищу, посмотрю, потому что у меня есть просто этот.

Int.: Ну чего-то связанного вот с этим временем.

Inf.: Нет, у меня есть фотографии. Я, допустим, фотографировала, не знаю, пустые полки в магазине, такие какие-то вещи.

00:44:00

Но у нас не было такого скопления. У меня мама буквально в день, когда началась война, сейчас я поищу, началась война, она, получается, за пару месяцев до возле своего магазина взяла еще один магазин, хотела расширяться. Это в том же здании, и хотела сделать один мелких электротоваров, другой побольше, занести туда холодильники. И там как раз в принципе доделал папа ремонт, то есть как раз не хватало доделать стеллажи деревянные. То есть как раз это то, что вот не успела сделать. И тут соответственно, к нам в город начали прибывать куча беженцев с разных мест, потому что это относительно спокойное место. И как бы кто-то куда-то селит, и сразу это было общежития от каких-то колледжей, которые были свободны, там школы, которые освободили, просто там на матрасы, в лучшем случае на одеяла на пол.

Int.: Фактически вы приготовили такое убежище для беженцев.

Inf.: Ну вот и получается, и получилось, что ну, соответственно, что начали организовываться блок-посты, потому что что уже как бы понимали, что нужно что-то делать. А вот сюда тоже могут зайти, мы находимся на трассе Киев-Харьков, то есть могут прийти или с той стороны, или с другой.

Int.: Это местная инициатива?

Inf.: Да, это местная инициатива, кто-то парни военные, кто-то нет. Много людей сами пришли и призвались. Мой двоюродный брат тоже пришел, записался, он говорит: «я конечно, никогда в армии... я там занимался записью на блокпосте, кто заехал, кто уехал, но я тоже что-то умею, наверное, делать».

00:45:38

Int.: А быстро ввели вот этот запрет мужчинам?

Inf.: По-моему, да, это было сразу, ну уже знали всё, что никто не выедет, и плюс я точно не помню, когда это было, и получается, ввели эту организацию блокпостов, соответственно, начали понимать, что нужно где-то взять оружие. Оружия нигде нет. Военная база, которая давно была в городе, она давно разворована, ее как бы там не существует. Там военный городок, от него остались только дома. Там, оказывается, только хранилась какая-то, немножко бензин, немножко солярка. Вот какой-то там есть такой склад, там просто мужа моей мамы подруги работал. То есть он такой как завхоз, что ли. То есть у него вроде как военная должность, но там как бы по сути ничего давно нету. И даже

то, что там было, нет, ну, там было горючее в основном, то это сразу вывезли оттуда. Это он нам потом рассказывал. Этот буквально в первые дни это всё оттуда начали быстро вывозить, это куча людей вывозили и ну, просто волонтеры, которые понимали. Ну все, кто живут давно, понимали, что, если туда вдруг попадут, подорвется всё просто вокруг, да... И когда организовывались блок посты соответственно они же всё это сами по себе, понимали, что нет же оружия особо. Где-то оно как-то ушло, списалось. Вот, и потом сказали, что «сдавайте, вы можете все принести, неважно, даже незарегистрированное оружие, любое оружие, которое у кого-то есть». Тут принесли много людей. У людей были и пулеметы, и револьверы старые, всё. Куча людей, кто-то что-то, и охотничьи ружья, и всё, что было.

Int.: Сабли Гражданской войны.

Inf.: Всё, что угодно люди поприносили. Все закрыли на это глаза, говорят: «потом будем разбираться, откуда они взялись и почему они тут в таком количестве. Но это не суть, главное, что тут что-то есть». Первое время они тоже там пораздавали некоторым оружие, которое изначально было, его там не хватило. Они потом пытались отлавливать по городу, кому они там пораздавали, потому что они не совсем понимали, что нужно там было там брать данные. Как-то это всё было неорганизовано, и это всё было в мэрии происходило. А мамин магазин находится напротив мэрии, на входе, поэтому нам это всё видно было. То есть там сразу начали плести сетки эти защитные. То есть это дети в основном делали часто, дети школ.

Int.: Маскировочные.

Inf.: Да, да, маскировочные. То есть начали уже просить приносить все эти ткани, всё что есть у кого дома. И получается, наверное, там первый-второй день, когда мы понимали, что эти блокпосты, они там стоят голодные, холодные, было очень холодно. Никто о них не заботится. И просто пришел мой брат двоюродный к маме в магазин напротив, его как раз поставили на входе в мэрию. Вот его как раз поставили как раз туда. То есть он не говорил, что «у меня тут тетя», его поставили туда. И он говорит: «мы пришли», а он пришел, говорит: «слушай, можно я у вас хоть чаю попью. Так холодно, говорит, мы стоим и вообще как бы ничего нету». И он выехал из Киева, он выбежал в кроссовках, он выбежал в первый же день, когда только начали бомбить Киев, и они просто с каким-то знакомым, который ехал тоже в ту сторону Полтавы. Просто сели с первыми попавшимися вещами, которые собрали за полчаса. Они не собирали, они просто вот собрались за полчаса, собрали ребенка. И он так в кроссовках и убежал, то есть не в ботинках, ничего. Он «в чем я был, в том я и выехал», и всё. И потом я говорю: «мам, давай нужно, может быть, им какие-то бутерброды поделаем», и потом начали в первый же день. Кто-то увидел бедных мальчиков, стоят голодные, какие-то женщины пришли там их какие-то вареники принесли, что-то такое.

Int.: С вишней.

Inf.: Да, да, что-то там как-то организовалось. И потом мама, это был как раз, когда была суббота. То есть в четверг война, суббота, и как бы ну уже до сих пор еще не вышел шабат, а мамы до сих пор нет с работы. Обычно она приходит рано в субботу, и папа пришел, говорит: «вот, твоей маме скучно, вечно ей заняться нечем, вечно она куда-то впишется, куда ей вот это не надо, это семейное». Говорю: «а что такое?» – «она там начала что-то там кому-то помогать, она там начала, решила с мэрией какую-то гуманитарную помощь организовывать. Вот сейчас она придет, сама расскажет. Скажи ей, что ей не надо. У нее двое маленьких детей, пусть сидит есть готовит». Говорю: «ну ты же понимаешь, что бесполезно. Ты ей скажешь готовить, она побежит в обратную сторону, еще более активную деятельность разведет».

Int.: Молодец мама! Сколько маме лет?

Inf.: Маме, она 75-го года рождения, вот. И получается, ну, мама пришла, говорю: «мам, ты где? Тут Миша-Маша спрашивают, ну как бы я-то сестра, но они спрашивают, где мама. Что происходит, ты где ходишь? И позвонить я тебе не могу, потому что как бы я

соблюдаю. И вроде как идти куда-то непонятно, нужно идти, не нужно идти. Я хотела понять, где ты». Она говорит: «Слушай, начали привозить людей, они просто голые, босые, без ничего».

00:51:00

Int.: С Киева в основном?

Inf.: Нет, даже с разных мест. Был и Киев, было уже со стороны, была и Харьковская область, туда со стороны. Кто-то сам ехал, кто-то к родственникам выезжал. Кто-то как бы просто ехал-ехал, закончился бензин, остановился, решил – вот тут город. Ну это как люди рассказывают: «вроде как бы что-то тут есть».

Int.: То есть такие волны людей приезжали.

Inf.: Да, которые приезжают, и непонятно, что с ними делать и куда их селить. И она говорит: «они приезжают, у них ничего нету». У них ни посуды, ни одежды, вообще ничего нету. У тех, кто приехали еще с деньгами, тогда ладно, или хотя бы с документами, у которых есть счет в банке, карточки, говорит, но не все далеко так. И она говорит: «давай откроем группу в вайбере», потому что у нее как-то не получалось «открой мне группу, там около 200 человек. Кучу моих клиентов, я тебе буду говорить, кого добавлять, вот отправим сейчас сообщение, что приблизительно нужно. То, что мы знаем, а вот пусть приносят в магазин».

Int.: Тем более есть куда складировать.

Inf.: Да, «пока пусть приносят в этот магазин, а потом попытаемся понять, как это делать».

Int.: То есть у вашей мамы есть институциональная такая основа.

Inf.: Да, да, просто нужно понять даже изначально, а что нужно, когда у человека вдруг ничего нету, не стало. И потом получилось, что таким образом начали приноситься одежда, постели, полотенца, неважно, там это всё такое. Кто-то ходил, покупал новое. Кто-то ходил, приносил то, что было, это все перебиралось.

Int.: То есть какая-то такая спайка народная.

Inf.: Очень много на самом деле, да. То есть на самом деле я это видела, наверное, единственный раз, наверное, в Украине. Я такого не видела особенно, чтоб прям вот кто-то кому-то помогает и прям вот ну выглядит это действительно искренне.

Int.: То есть объединение это.

Inf.: Да, когда приходили, делали вакцинацию, а до этого, когда делали вакцинацию от коронавируса, то давали какую-то там около тысячи гривен. Там была какая-то бонусная тысяча гривен. И эта тысяча гривен, на нее можно было или обналечить в каких-то магазинах, или купить продукты в итоге, что-то такое.

Int.: Только прививайтесь.

Inf.: И в итоге, когда началась война, эти деньги можно было перевести на сайт, пожертвовать ЗСУ. И пожертвовать ЗСУ – это нужно было делать какая-то система через сайт. На самом деле это не сложно. Но пожилые люди это делать не умеют. А у мамы магазин как бы электротоваров, плюс у нее в основном – это телефоны такие мелкие, там стартовые пакеты и всё такое.

Int.: Генераторов не было, кстати.

Inf.: Генераторов вообще не было, то есть было – в первые скупили все эти пауэрбанки, все батарейки, настолько, что себе не оставили. Потом оказалось, что у брата в игрушках был один, который он себе запрятал. Говорит: «а у меня есть пауэрбанк». А мы не знали, потому что он не лежал на месте.

Int.: Я вас перебила, и что у мамы в магазине были эти телефоны и можно было переводить эту тыщу.

Inf.: Да, да, и как бы приходило много людей. Много людей в основном пожилого: «переводите мне деньги, мы хотим мальчикам пожертвовать. Мы хотим на ЗСУ пожертвовать». И мама говорила ну, там, этим некоторым, и мы объясняли, я там делала

тоже и работница: «вы знаете, что это можно там не только в определенных магазинах обналечить, можно там и продукты купить, и всё такое. У вас там есть тысяча, я не знаю, сколько-то там денег на продукты» – «Не-не-не, я тут справлюсь, как-нибудь проживу. А им там тяжелее. Давайте переводить».

00:54:43

Int.: А у вас вот в вашей семье не появилась мысль связаться с синагогой, чтобы вас вывезли?

Inf.: Была такая мысль, конечно. То есть потому что... ну, во-первых, с одной стороны понятно, мне хотелось тоже выехать. Я связалась, сразу я хотела связаться с семьей, которая находится в Полтаве. Там есть шалиахи Хаббада, они выехали, как оказалось, прям вот сразу. Вот потом я увидела как бы, что была организация эвакуации из Киева, но в Киев тоже нужно было как-то добраться. До Киева не было как добраться. Уже начал пропадать бензин, поезда не ходили, автобусы не ходили. Не, ну была пара перевозчиков, которые были там за 30-40-50 тысяч гривен довести тебя куда-то. То есть как бы они тебя готовы были довести, некоторые даже до границы. Ну они как бы ничего не гарантируют. Были таких пару человек, пару отчаянных. И как-то, во-первых, это одна. Во-вторых, ну что, никакой гарантии.

Int.: То есть не рассматривали, что всей семье?

Inf.: Нет, мама рассматривала вариант, то есть она понимала, что папа невыездной. Папе 55 лет, ему меньше 60-ти. То есть вариант, чтобы его оставить, она не рассматривала. Она рассматривала вариант оформить на меня доверенность, потому что она ее сделала, чтобы я смогла их вывезти.

Int.: Детей?

Inf.: Да, «вывезти тебе дадут, а ввезти тебе надо будет их потом». Как-то ввезти потом в Израиль или куда-то дальше. «Вывезти дают сейчас всех в принципе. Территорию Украины ты покинешь».

Int.: То есть вы могли бы в свои 19 лет выезжать вместе?

Inf.: Нет, почему, мне 29. Ну 28 было.

Int.: Ехать с двумя маленькими...

Inf.: Да, да, и мы разговаривали, я разговаривала об этом с Димой, мы жили в маленькой квартире, с которой мы только съехали. То есть полторы комнаты. Я говорю: «слушай, как бы, а куда я их привезу?». Он говорит: «да не важно, не знаю, максимум к папе привезем, максимум где-то поживут, или я поживу, или ты поспишь на диване, или я посплю». У нас там был диван и двуспальная кровать. Говорит: «максимум, ну, они разберутся».

Int.: То есть ваша мама была готова отправить детей с вами?

Inf.: Ну, как бы да, она говорит: «если будет, если я буду чувствовать, что совсем небезопасно, чтобы я знала».

Int.: А взрывы какие-то были слышны там у вас?

Inf.: Взрывов было слышно чуть-чуть, потому что была атака на Миргород. Была атака, там есть аэродром, была атака на Миргород. Была пару раз. Вот, когда это, была как раз такая, немножко такая волна. Если на улице стоять, то было слышно. Тогда мы тоже первый раз мы, мама звонит своему двоюродному брату, у него выключен телефон. Звоним его жене – выключен телефон. Я дочке, то есть моим троюродным сестрам, которые вообще с телефоном не разлучаются – у них выключен телефон. А у них просто попало в вышку и не работало, не было связи.

Int.: А вот киевские родственники дальние?

Inf.: Ну вот, двоюродный мой брат.

Int.: Они там и оставались?

Inf.: Нет, они выехали сразу. Это тот, который на блокпосту стал.

Int.: А, это он.

Inf.: Он со своей женой, с сыном Егором, ему пять лет. То есть они выехали сразу вот буквально.

Int.: Но они выехали не за границу, а к вам.

Inf.: Да, у них, получается, есть квартира его мамы, его мама живет в Польше. И они понимали, что в Лубнах им есть где жить. Квартира стояла и так пустая, то есть как бы они знали, что там никто не живет. Квартиру просто поддерживают, поливают цветы. Они и так периодически, они оба из одного города как бы.

00:58:20

Int.: Понятно. А вот матрасы эти вот во втором помещении магазина, это раскладывал.

Inf.: Нет, в магазине во втором как бы ну пока, на тот момент просто было пусто, просто люди приносили вещи. И потом уже начали, давай, говорю, открывать как бы второе помещение. И тут просто нет физически места. И плюс организовалось, плюс-минус в первые дни, что все эти блок посты, которые есть по городу на всех выездах, въездах, они стоят голодные. То есть они оттуда не выезжают, никто их не кормит, никто о них не заботится, то есть то, что им там платят, никто об этом уже не говорит. Они там просто стоят голодные.

Int.: То есть они не от ЗСУ, это просто местные собрались и поставили?

Inf.: Да, некоторые сами по себе военные, но пока же это все оформится, пока их там оформят, это же время. Поэтому стояли там, этих фотографий нет, потому что не разрешали фотографировать, там все эти шины на блок-постах, все эти, они ставили какие-то там преграды. Там в каком-то месте ставили, они называли ее «Марийка», они поставили манекен женщины с пулеметом. Ну они решили там – Марийка, что это будет наша Марийка. Что я как-то проезжала, я так сразу – это кто, это что? Она как будто стоит, как будто такая с оружием, манекен в форме, то есть издалека.

Int.: Марийка-пулеметчица.

Inf.: Они решили, что так будет нормально. Люди так с юмором к этому многие относятся. Ну поэтому это было в основном шины, деревья, разные там паллеты, ну чтобы было тяжелее выехать, въехать.

Int.: Я видела фотографии, там эти ежи противотанковые, и написано «кошерные ежи от евреев Одессы».

Inf.: Да, да. Вот, было да, тут такое. Это всё организовывалось, кто умеет там по металлу работать, кто умеет, у меня папа умеет там что-то они там. То есть они искали людей, которые умеют что-то такого плана делать.

Int.: А вы пекли? Вы начали печь.

Inf.: Мы начали, мама у меня в какой-то день приходит, она говорит: «нам нужна еда на 70 человек». Я говорю: «это сколько на 70 человек?». Говорит: «ну нам привезли кастрюли такие, 15 там, 20 литров, там еще». Я говорю: «мне тяжело представить сколько там на 20, на сорок, это как на праздник готовить, это я хоть как-то представляю количество». Она говорит: «и надо что-то такое, чтобы продуктов нам хватило надолго, и им было питательно». Говорю: «окей». Ну в общем, начали мы сразу варить гречку, которой просто было еще много. Ну люди поносили, некоторые люди принесли просто кучу продуктов.

Int.: А, и вы из этих продуктов просто...

Inf.: Да, принесли там буквально и свою консервацию из домов. Кто-то принес, не знаю, мясо, кто-то принес тушенку.

Int.: А есть фотографии, как вы готовили?

Inf.: Да, да, ну кастрюли нет. Но есть именно то, что именно мы потом паковали, сейчас я поищу.

Int.: И вы вдвоем с мамой этим занимались?

Inf.: Сразу вдвоем с мамой, потом подключилась женщина из одного из ресторанов местных. Она сказала, что «я могу часть у себя на кухне готовить. Часть продуктов мои, часть я буду забирать как бы, я буду это делать». Хорошо. Потом подключились пару человек, которые тоже хотели что-то сделать, вот они сказали, вот я вчера рассказывала, вот они решили лепить вареники. Мы их спрашивали, говорю: «вы уверены, что вы хотите лепить вареники на такое количество человек?». Ну их там чуть меньше, чуть больше, они там расформировываются», она говорит: «нам тут заняться нечем, мы будем сидеть и лепить». Ну в общем, начали они лепить эти все подносы, эти подносы приносили в этот ларь, и потом вот штук 500-600 слепили за день. И я потом звоню папе и говорю: «папа, останови их, потому что нам негде их морозить». Мы уже у соседей поморозили. Их нужно поморозить, а потом посортировать, потому что по-другому. Ну и мы оставляли эти полуфабрикаты на момент, когда вдруг у нас не будет там времени приготовить и все такое. То сейчас, говорю, пусть они, типа, хранятся. То есть совсем прям, со всеми, потом позвонила, это как бы такие там, знакомые знакомых... еще какие-то. Они обиделись, что их тоже не пригласили лепить вареники. Она говорит: «мы тоже тут сидим, дуреем дома, сидим смотрим новости». Она говорит: «давайте нам хоть что-то, ну там с ружьем мы не можем пойти защищать, а вареники лепить мы умеем».

Int.: Пулемета нету, так будем лепить вареники.

Inf.: Они говорят: «мы можем лепить вареники, так давайте хоть покормим, мы еще много чего, мы котлеты умеем, мы блинчики...». Начали рассказывать всё, что они умеют. Ну, в общем как бы так получилось. Тоже фермеры привозили свои продукты, то, что мы часто готовили, то есть каждый вечер это была вот готовка много каких-то продуктов. Потом это утром нужно было привезти в магазин. Потом приходила мамы ее как бы девочка, которая у нее работала, и ее подружки, которые тоже приехали. Кто-то из Киева, кто-то из других мест, и всё это вместе сортировалось. Плюс моя сводная сестра, она живет в соседнем доме от магазина, то есть каждый раз кто-то приходил, потому что это нужно посортировать по каким-то коробочкам, по каким-то баночкам, чего-то и отправить по количеству людей.

Int.: А еще сварить нужно.

Inf.: Да, то есть вечером это варим, часть привозит кто-то другой. То есть вечером на следующий день.

Int.: А газ был?

Inf.: Да, газ был. У нас ничего не отключалось, но мы плюс – мы в частном доме. Мы в частном доме и понимали, что если что, костер никто не отменял. Вот дворе как бы есть мангал, есть еще варианты. То есть люди, которые живут в квартире, у них этого варианта нет вообще.

Int.: А вообще в городе там пропал газ?

Inf.: Нет, пока еще нет, на тот момент нет. Вот сейчас да.

Int.: О начале марта мы говорим.

Inf.: Да, вот это как бы такой март. То есть еще пока, сейчас я найду, где-то было. Это позже, просто нужно с другого места. Я просто пересылала информацию, и она у меня не вся есть.

Int.: А давайте вы сейчас не будете искать, я вам просто напишу, и вы мне пришлете.

Inf.: А, окей, без проблем. Хорошо.

Int.: Очень ценно, потому что народ не фотографировал.

Inf.: Ну я фотографировала, потому что я находилась там, и я хотела помочь, прислать тоже в Израиль, потому что...

Int.: Это вот абсолютная история.

Inf.: И плюс просто когда это всё организовывалось, и мама говорит, ну, получается первый раз, когда она действительно говорила, что она работает как бы с мэрией, они

пришли и ей сказали: «ой, давайте мы у вас, мы с вами будем вместе работать. Мы сейчас все продукты отправим на склад, и вы оттуда будете брать».

Int.: Вот желание централизованного управления, оно сидит глубоко внутри.

Inf.: Да, да, ну ,соответственно это было один раз. С тех продукты оттуда не вернулись. Ну, все выучили, она сказала, говорит: «как бы я никогда особо им не верила. Но думаю, мало ли, тут война, надо людям помогать, тут все такое». То есть она им тоже дала пару каких-то там базовых телефонов каких-то там Нокий, не Нокий, новых, которые у нее были. Потому что это был самый такой, которые они очень хотели, потому что зарядка держится.

Int.: У Нокии лучше держится?

Inf.: Она неделю может держаться, она не как смартфоны, то есть если вдруг что. А их уже нет как бы много где в наличии. А мама всегда держала, потому что есть пожилые люди, и как бы некоторым до сих пор удобно этим пользоваться, она говорит: «я всегда их специально заказываю». Их даже не везде уже продают, кнопочные телефоны. Всегда вот есть. Даже еще более базовые модели. Вот, то есть как бы их можно еще покупать, продавать, тоже как бы во всех б/у магазинах, которые продают, перепродавали, их все скупили в основном. И потом приходила еще как бы женщина, она ведет группу фейсбука «Пидслухано Лубны» – «Подслушано Лубны», все, что связано с городом, она туда выставляла. Вот она ведет страницу в инстаграме и в фейсбук, и по совместительству она жена еще моего биологического папы, вот так сложилось. Вот, ну как бы я ее знаю просто, я думаю, что она даже не знает, как я выгляжу. То есть как-то так. То есть мы с ней не знакомы физически, но я просто знаю, кто она. Но с мамой они, как бы я знаю, что она просто приходила посмотреть на бывшую жену. Ей было просто интересно, ну которая была сколько лет назад, но не суть. И она пришла как бы к ней тоже. Она говорит: «ой, слушай, можно я тебя тут поработаю? У тебя тут еще есть, типа, интернет». Говорит: «я хочу там все эти посты выставлять, что вам тут нужно», мама говорит: «мы сделали вид, что мы соответственно просто друг друга не знаем, мы незнакомые люди. Сейчас нужно заниматься чем-то другим, чем выяснением отношений, которые никому не нужны».

Int.: То есть ситуация как бы свела вместе.

Inf.: Да, ну то есть она буквально там день-два посидела там, потом она пошла в другое место. То есть они там, и мама поняла, говорит: «все, что связано с мэрией, это все работать не будет».

Int.: То есть у мамы фактически такой как бы неформальный центр принятия решений образовался.

Inf.: Да, да, поэтому получилось, есть еще места, которые церковь открыла, еще какие-то места, которые начали люди пытаться получать гуманитарную помощь. Потом в какой-то момент она уже из-за границы начала приходиться. То есть уже даже в магазинах появлялась. Появлялись продукты, в которых ни слова ни по-русски, ни по-украински. То есть или их действительно, как говорили в новостях, быстрый ввоз был вместо того, чтобы предоставить что-то к концу апреля, к середине апреля, или это действительно продавалась гуманитарная помощь, которая... ну, никто не знает. Понятно.

01:08:33

Int.: Ну это же много говорили, про Донецкую, про Луганскую, что там много продается эта гуманитарка за деньги.

Inf.: Вот и у нас получается, как бы я тоже выставила пост в Фейсбук своим в основном друзья как бы, разослала по группам, что мол так и так, мы ищем помощь. Если у кого-то, кто-то хочет пожертвовать хоть 50 шекелей, это как бы...

Int.: А, здесь.

Inf.: Да, да. Как бы для людей, которые, говорю, ваш манат фалафель – тут действительно большая сумма. Плюс курс подскочил и всё такое. То действительно мы

собрали, ну не знаю, в шекелях тысяч 7-8, что-то такое шекелей. То есть ну первоначально, и потом как бы...

Int.: А как их переправить туда?

Inf.: А получается, есть такое приложение PaySend, то есть я просила, чтобы они мне прислали на счет. Я написала в банк, сказала, если они мне подтверждают типа, ну, какие-то донаты на счет, что это как бы... Они мне сказали, что пусть только пишут там, «Трума Израиль – Украина», пусть просто пишут зачем, и всё в порядке, нам вообще без проблем. Она говорит: «как ты думаешь...», я говорю: «слушай, я не знаю, сколько, ну сколько соберем». Ну вообще без проблем, то есть в банке было вообще без проблем, и они собрали, ну вот собирали деньги через PaySend, я через свою карту много это переводила, потому что намного меньше налог, чем делать международный перевод.

Int.: А там как их снять?

Inf.: А там я просто переводила на карточку, которую мы оставили.

Int.: А там работали?

Inf.: Да, там можно было снять наличными или этой же карточкой расплатиться. То есть там все работало, и это все как бы, эти деньги хранились долго достаточно, то есть их сразу вообще не трогали в основном. Потому что первое время постоянно люди приходили, жертвовали.

Int.: НЗ такой был у вас.

01:10:17

Inf.: Да. Мы понимали, что продукты заканчиваются. И те, кто, уже люди жертвуют, и в магазинах. То есть нужно уже всё как-то отлавливать где-то. И я просто до этого говорю, я никогда не могла представить. То есть я слышала эти все, про время дефицита.

Int.: Это был мой следующий вопрос.

Inf.: Вот, я просто всегда это слышала, я никогда не могла это представить, что если у меня есть деньги, то я все равно не могу купить.

Int.: Да.

Inf.: То есть я приходила и говорила: «ну слушай, мам, есть деньги, есть карточки, есть как бы это, и мне нечего купить как бы, выходит». Я никогда не могла понять. То есть, допустим, в магазинах оставалась куча авокадо, или ананасов, которые по сути никому не нужны были. Хотя в итоге моя подружка купила, не знаю, килограмм 6 авокадо, по цене ниже картошки. Она говорит: «я буду жить на авокадо, я их позамораживаю, я буду жить на авокадо», и она принесла нам мешок домой.

Int.: А более старшее поколение, поколение вашей мамы, комментировали, что вот опять полки пустые?

Inf.: Ну как бы она нет, потому что она знала, что у нее дома много запасов, вот.

Int.: Ну да, а вот магазины.

Inf.: Да, люди, вот было такое, были эти такие высказывания, что как бы, ну опять же, так как мы находимся в маленьком городе и плюс рядом достаточно много сельского хозяйства, то все понимали, что можно к кому-то поехать, купить там яйца, у кого-то купить молоко, то есть у нас, допустим, мама покупает всегда домашнее молоко у женщины, которая в тот же день доит и сразу же привозит. Она где-то живет 20 километров от Лубён, она не живет в самом городе, она привозит. То есть у нее все хорошо, то есть обычно она это поставляет молокозаводу, но как бы напрямую мы покупаем обычно у нее, у нее всегда хорошие продукты. И тут она тоже звонит маме, говорит: «слушай, ты же понимаешь, что я не приезжаю, у меня там транспорта и просто машина поломалась», что-то такое. «Я, – говорит, – не знаю, 30 литров молока просто вылила, она уже всё. Мы уже с ним сделали все, что могли. А в этой там сметану, масло, всё это, говорит, у меня уже негде это всё хранить, у меня уже все забито, она говорит: «я уже все просто выливаю собакам, котам». Мама говорит: «в смысле ты все выливаешь собакам, котам, мы сейчас, если там проблема доставки, транспортировки, мы это организуем. Ко мне каждый день приходят куча людей,

беженцев с разных городов, которые будут рады, чтобы домашнее молоко было». Говорит: «мне нужно единственное что, мне нужна тара и мне нужна транспортировка, потому что у меня нету поставщика и мне некуда паковать, у меня просто ничего больше нету». И магазины, которые в основном тоже продавали одноразовую посуду, все такое, тоже почему-то на тот период было вообще закрыты. То есть все что можно как бы это, а доставка через Новую почту, которая обычно работала замечательно, хотя она работала, но она просто работала дольше, и не везде, и не во все районы и не во все магазины доставляли. Потому что, допустим, из Киева нельзя было заказать, потому что было закрыто и там склады были закрыты.

Int.: Ну у крестьян, так сказать, у тех, кто работал на земле, должен был образоваться излишек продуктов.

Inf.: Ну вот, да. Но, допустим, у нас в городе есть тоже хлебозавод, он не перестал работать в итоге. Есть молокозавод, он тоже не перестал работать. Было меньше выбора в какой-то момент, но он не перестал работать. Опять же, видимо, у них поставщики как местные, то есть они не рассчитывали.

01:13:36

Int.: То есть это действительно сети на таком горизонтальном уровне?

Inf.: Да, да, то есть как бы не, то есть вот такие вещи были. Ну действительно, чего не было вообще в наличии, наверное, месяца два – это дрожжи, сода, какие-то такие там разрыхлители, ну всё, что можно с ним печь. Консервы любого вида, их почти вообще не было. То есть там неважно – это тушенка, это шпроты, вот все, что может храниться. С другой стороны, соответственно, сладкие напитки и все такое, там чипсы, сухарики, соответственно стояли, они не нужны. Плюс у нас в городе все супермаркеты, сеть супермаркетов больших, так они все своя выпечка, своя пекарня. То есть у них, видимо, тоже были свои запасы, и они продолжали выпекать, и как бы не только хлеб. И круассаны, и так дальше. То есть у них это все было дальше все равно в наличии. И плюс на тот момент было ограничение. Сразу не было ограничения в первые же дни на покупку продуктов, каждые вещи можно было там покупать допустим по две штуки или по три штуки.

Int.: Столько-то в одни руки.

Inf.: Да, то есть для меня это вообще было очень странно.

Int.: Тоже, конечно, не застали такое.

Inf.: Нет, я это не застала, для меня это супер странно. То есть если мне нужно 10, я покупаю 10. Как бы как это? Тут начинается тоже, я говорю, когда мы скупали тоже что нужно для ЗСУ, я звонила маме, звоню, говорю: «Мам, пришли мне Таню, свою работницу вместе еще с парнем Вадимом, нас было три человека, мы сейчас купим 9 баночек». Пока мы там не познакомились с управляющим этого супермаркета. Он говорит: «слушай, вы постоянно приходите, скупаете, вам куда столько?». Я говорю: «выходи, придешь посмотришь без проблем». Он говорит: «А где вы, что вы», он приехал вечером, действительно, посмотрел. Он говорит: «я вас понял, можете всей этой компанией не приезжать. Подходите ко мне напрямую, я вам продаю напрямую. Я понимаю, куда это идет». Говорю: «хорошо, замечательно». Потом у мамы есть ее подруга, она работает на складе, там как раз такое – мука, вода газированная, еще что-то. То есть, оттуда тоже напрямую организовали покупку. То есть всё это какие-то там знакомые знакомых, потом кто-то там делал тушенку. Делал какой-то мужчина, у него такой бизнес – домашняя тушенка. То есть я не знаю, я не пробовала, но люди говорят, что вкусно. Вот у него там прям все упаковано, красиво там, такие баночки. Ну вот у него такая продукция. То есть он обычно в какие-то фермерские магазины поставлял, но видимо, некуда ее поставлять, никто не приезжает ее забирать, и у него большое количество. Соответственно, их можно было купить по себестоимости, плюс-минус чуть больше, ну как бы дешевле, чем в магазинах. Купили у него эту тушенку, соответственно, им там можно и макаронки делать, и какую-то кашу делать, очень много уже вариантов, что можно уже придумать.

Int.: И это каждый день было?

Inf.: Это каждый день. Плюс пытались еще им как-то что-то, ну, разнообразить еду, чтобы не каждый раз то же самое. И потом как бы что мы еще? Ну плюс у многих людей есть дома консервация, то есть неважно – это помидоры, компоты, варенья и так далее. То есть соответственно с этими вареньями можно делать кучу выпечки и так далее. Ну интернет в помощь. Тут уже только вот, что умеем – умеем. А интернет в помощь. Плюс у мамы есть еще одна как бы подруга, ее мама работает в школьной столовой. То есть для нее сделать.

Int.: У вас просто сеть людей.

Inf.: Вот, и для нее просто слепить сто штук пирожков, она всю жизнь работала в пекарне той столовой, школьной столовой, для большого количества людей, для нее это такое как бы развлечение. То есть она сразу пекла у себя дома, потом она немножко пекла в школе. То есть она им сказала: «я буду носить свои продукты, но я буду печь у вас в вашей печи».

Int.: То есть получается сколько человек вот по максимуму участвовало в этом?

Inf.: Ну человек 20, хотя бы 20, плюс-минус.

Int.: Вы как-то в шутку называли свою бригаду там?

Inf.: Да нет, как-то вроде нет. Ну сейчас, допустим, после того, как я уже уехала, и после того девочки, которые там были, они тоже кто-то вернулся в Киев, кто-то вернулся в Польшу, по-разному. То есть уже пара человек, которые сами они как бы, как беженки, которые им помогли, с разных мест, и они у мамы там как бы приходят каждый день, они этим до сих пор занимаются.

Int.: То есть это до сих пор продолжается?

Inf.: Да, да, до сих пор помогают, кроме как бы готовки.

Int.: А кого они теперь кормят?

Inf.: Сейчас они отправляют на фронт, куда бы это ни было. Если это запрос в сторону Бахмута, если это запрос на машину, если это запрос на носки, и так далее, то есть они делают то же самое, только... Во-первых, люди до сих пор приходят, до сих пор приезжают, и как бы не все справились по месту, кто-то нашел работу, кто-то нашел квартиру. Некоторые места очень поднялись цены на аренду, и готовы были даже выгнать там людей из магазина. Ну вот там не знаю, особенно когда Харьков приехал и все такое. Цены в Харькове намного выше.

Int.: Во Львове, я знаю, цены подскочили мгновенно все.

Inf.: Тут тоже очень поднялись цены, как бы некоторые решили так заработать. Некоторые наоборот, вот у нас есть знакомые, это мамина бывшая одноклассница, ну как бы одноклассница, она живет одна в Германии, одна в Англии. И у нее была квартира родительская, которая никак, она просто стояла пустая. У одной дом, у другой квартира. И они позвонили сами, сказали: «слушай, мы услышали, что люди ищут жилье». Говорит: «мы вам передадим ключи, сами решите, кто там будет».

Int.: Такие тоже есть варианты, а есть варианты, когда наоборот.

Inf.: Есть варианты, когда наоборот. Когда магазин возле мамы есть, там есть женщина, у нее магазин спорттоваров там не знаю, кучу лет. К ней просто пришел владелец и сказал: «слушай, мне предложили больше. Или сравниваешь, или выезжаешь». Есть и такие варианты. Допустим, владелец как бы маминых двух, один и тот же владелец, так он наоборот: «второй магазин, который я знаю, что он у тебя не рабочий, сейчас он просто как склад, я тебе скидываю половину аренды». То есть мы от него, честно, не ожидали. То есть он сам пришел это с предложением, «то есть, мол, так и так».

Int.: А как вам кажется, вот таких бригад, как ваша, были в других местах?

Inf.: Конечно, были достаточно много. У меня тоже есть вот моя одноклассница, которая таким же занималась в Киеве, пока она не выехала из Киева. То есть как бы люди пытались как бы с чем-то организовать, помочь. Ну по умению и по возможности, потому

что очень много, действительно куча людей, которые приходили и говорили: «вот там 50 гривен, вот сто гривен», а кто-то пришел, какой-то мужчина, у него есть сеть ювелирных магазинов, как оказалось. Я не знала, ну как бы я меньше нахожусь там, он принес достаточно много детских вещей. Они все новые были, с этикетками. То есть, видимо, он говорит: «дети выросли», принес коляски, манежи, кучу вещей для детей. И я еще маме говорю: «кто принес коляску Макларен, понятно, это кто принес?». – «да, он сказал, что это все ему не нужно, и оно все такое как бы в очень хорошем состоянии. Говорит – сами решайте, кому нужнее. Как бы я со своей стороны там я знаю», и вот потому что каждый по возможности. Кто-то мог принести банку консервации, а кто-то коляску. Кто-то уже ходил, покупал новые чашки. Уже когда открылись магазины и все такое. Плюс подключилась также еврейская община, которая у нас по месту. Они, так как тогда всем управляла секретарь, они сказали, что они будут посылать наборы посуды на данный момент. Но им нужно только документ, им нужны фотографии людей с этими наборами.

Int.: Это не только евреям?

Inf.: Нет, нет, всем. Им нужны просто как бы данные, кому это выдалось. Мама говорит: «Без проблем, я думаю, никто не будет против как бы сфотографировать». Тем более это не идет никуда в интернет, это им чисто для документации, чтобы как отчитаться.

Int.: А такие фотографии у вас есть?

Inf.: Надо спросить у мамы, может быть, есть что-то такое. У нее точно есть, я могу попросить. Потому что она просила в какой-то момент документировать, и это было действительно хорошие вещи, то есть не там это. Нет, ну действительно хорошие наборы посуды, как для себя кто-то купил. То есть действительно хорошего качества, люди были просто, ну многие в восторге, потому что: «в смысле? Это действительно нам? Бесплатно? Просто так?»

Int.: Для беженцев?

Inf.: Да, да, потому что много людей, когда они приходили за помощью, то они говорили: «вот мы пришли в мэрию, в которой должны, а нас там посылают из кабинета в кабинет. И в итоге нам там выдали, не знаю, три пачки гречки и сказали: «идите».

Int.: То есть еврейская община была более эффективная, чем мэрия?

Inf.: Да, ну и просто тут как бы говорилось им, ну так по ходу, что это от еврейской, ну как бы плюс добавить людям, что вот евреи хорошие. Но мама говорит: «а вот я так это, к слову просто, чтобы знали, что им кто-то помог». Ну к слову, это не кто-то специфический, с другой стороны, тоже когда мэрия пару раз приходила спросить. «Вот я не понимаю, откуда у вас деньги этим заниматься». Она говорит: «ну не от вас же, какая вам разница, да?» И потом ну моя, ее работница Таня, как бы это, ну, а ей тогда, наверное, 22 года, что-то такое, 21. То она подшучивала, звонит и говорит: «Всем интересно, откуда у вас деньги из Израиля». Она говорит: «какая им разница?». Мы не официальный сбор никто нигде не объявляли, то есть нас никто не могут ни в чем это. Она говорит: «то есть мы это все делали с частных страниц, только с твоей и моей». Ни на маму, ни на магазин ничего нигде не оформлено. То есть большинство людей вообще приносит наличные.

Int.: То есть мама подчеркивала, что это от евреев?

Inf.: Ну как бы да, то есть часть, ну то, что передали от еврейской общины. От еврейской общины как бы в любом случае. Там был какой-то, каждый раз они обновляли, то есть он не окончен набор. Потом было тоже, когда была помощь на Пейсах, а как бы часть семей выехали, а это еще не успели передать, а продуктовые наборы остались.

Int.: Большая община была до войны?

Inf.: Может быть, не знаю. Может, около 50-ти человек тех, кто имеет отношение. Там немного человек.

Int.: А уехало сколько?

Inf.: Я даже не знаю.

Int.: Половина?

Inf.: Наверное, да, половина. Ну может быть, даже меньше 50-ти, может, что-то такое.

Int.: То есть совсем малюсенькая.

Inf.: Да, там немного человек. То есть, может быть есть. Сто процентов, может быть, люди, еще которые евреи, но просто не ходят. Вот так, как мы. Потому что мы с тех пор, как я была маленькая, мы особо не ходили туда. Потому что там тоже была какая-то там, делили власть, кто будет руководить, кто не будет руководить. Там был какой-то бардак немножко какой-то период, и мама перестала ходить. Мама просто перестала ходить и плюс как бы, а дедушка мой ходил в принципе до последнего почти.

Int.: А дедушка умер незадолго до войны?

Inf.: Он да, он как раз умер в конце сентября. То есть я как раз незадолго до этого прилетала на похороны. И мой брат, ну как бы это все было трагично, и как бы это все было неожиданно для нас, потому что он не болел и все такое.

Int.: А сколько лет было дедушке?

Inf.: Я сейчас скажу сколько, я всегда путаю, 84.

Int.: Еврейский дедушка?

Inf.: Нет, дедушка не еврейский, его жена была еврейка. То есть я его всегда пыталась спросить, но он мне так никогда и не ответил, потому что я хотела понять, как прабабушка-прадедушка, как они пережили Холокост. Потому что я видела списки в Яд-Вашеме, что они все уезжали в Куеду. Это где-то в России какое-то место, и потом они после войны вернулись. И я всегда хотела знать, что они там делали. То есть я проверяла, что это место, в котором было много заводов, там что-то.

Int.: Как, еще раз?

Inf.: Куеда, Куединский район, что-то такое. Ну вот, и я всегда пыталась. Говорит: «да я не помню, я не знаю».

Int.: Это мамин папа?

Inf.: Да, это мамин папа, и он сам как бы родом из Пензы, он фармацевт.

01:26:07

Int.: А были ли такие разговоры, или, может быть, мама говорила: «как хорошо, что не дожил?»

Inf.: Мне такое брат сказал, нам такое сказал брат, и потому что он нам всегда рассказывал. У нас были истории его детства, то есть как бы война, бомбоубежище, там кусочек сахара как самое лучшее, что можно достать, вот. И он всегда там, даже до последнего, он очень любил сладкое, и он всегда, у него были там конфеты где-то в карманах. И даже когда мы потом, и он только последние года 2-3 он жил у нас, до этого он жил отдельно, вот. А потом мама забрала его к нам, чтобы он не был просто сам один. И плюс была помощь с детьми маленькими, как бы он очень сильно помогал с детьми.

Int.: Как хорошо, что не дожил.

Inf.: Вот это сказал брат, как бы в какой-то момент он пришел и сказал: «я, наверное, не должен этого говорить, но хорошо, что дедушка этого не видит», вот. И мама, а это мы до этого с мамой говорили, но говорили вне дома. То есть он не мог слышать. То есть мы об этом тоже говорили, что слушай, говорю, тем более он сам из России, ему, ну для него это было бы сейчас очень тяжело. При этом как бы он жил достаточно долго на Украине. Он как бы женился на бабушке и с тех пор он, ну мы ездили периодически к моей прабабушке, пока она была, жила в Пензе, то есть она достаточно дожила до 97-ми, 98-ми лет. То есть она достаточно такая долгожитель. То есть мы еще всегда говорили: «у тебя там долгожители в семье, тебе тоже, значит». И когда последний раз до этого я прилетала, до похорон, то есть как раз я прилетала с Димой, познакомить его. Ему Дима понравился, и он говорит: «вот тебя там выдадим замуж, а вот потом я могу на покой». Говорю: «Куда ты собрался, у тебя еще есть Миша и Маша, ты не забывай, есть еще». А есть еще как бы Егор, который, получается, его двоюродного брата сын, и он как бы его по сути ни разу не видел.

Ну он видел только фотографии. Вот, и поэтому да, вот был этот разговор, и он всегда рассказывал. И мы даже, когда собирали последние вещи, то везде почти мы находили какое-то место, где было сохранения конфет. Какие-то конфетки, какие-то чего-то там. Это было вот.

01:28:40

Int.: Ну хорошо, и что дальше? Как вот складывается ваша история? То есть март месяц, вы уже занимаетесь этой кормежкой, и дальше что?

Inf.: И дальше все это продолжается на плюс-минус постоянной основе, уже на тот момент, уже все эти сирены, все эти тревоги, уже все наладилось плюс-минус, это уже как бы часть такая рутинная дня, то есть уже...

Int.: Это уже март-апрель?

Inf.: Да, да, это уже дети прекрасно понимают, что вот есть тревога – надо бежать. И плюс мы в какой-то момент перенесли матрасы сразу же в эту же комнату, чтобы они там сразу же и спали, потому что сначала мы приносили их ночью туда. Приносить ночью – это была проблема.

Int.: Вот в эту комнату, которая с аркой?

Inf.: Да, да, и мы перенесли туда просто матрасы, организовали там место спальное. Папа сказал, что он там спать не будет, то есть «мне там неудобно, – говорит, – я буду спать в комнате». И это было тоже достаточно тяжело объяснить детям, почему папе безопасно, а нам небезопасно.

Int.: Это сложно было всё детям объяснять?

Inf.: Сложно, потому что у меня допустим, меня Маша спрашивала, моя сестра, она спрашивала, говорит: «так хотят забрать наш дом?», я говорю: «ну не только наш дом, но как бы да». Она говорит: «а зачем им столько домов? Зачем одному человеку столько домов?» Я говорю: «ну вот, хочется, чтобы всё было его». Она говорит: «он же не успеет там даже пожить». И у нее такая вроде как здоровая логика. Я говорю: «я даже не знаю, что тебе ответить».

Int.: Про Путина?

Inf.: Да, ну просто пытались объяснить, что происходит, и вообще почему война, и даже вот рисунки в какой-то момент были там, они рисовали там ракеты немножко. Уже рисовали такое, хотя старались не включать телевизор, не включать ничего, чтобы как бы не травмировать, и продолжать какую-то рутину. Потому что, допустим, школа по зуму у моего брата продолжалась. То есть некоторые сказали: «школы не будет», его учительная, классная руководительница сказала: «мы уже в корону учились. Неважно, тревога, значит, идете в бомбоубежище, переживаем, я вам в это время пересылаю по вайберу задания, вы делаете задания, возвращаетесь обратно». То есть школа есть школа, все по расписанию. И так как они из-за короны уже систему знали, как подключаться к зуму, то он говорит: «а, так сейчас я быстренько». То есть он вставал и утром у него какой-то порядок дня сохранялся.

Int.: А дети не принимали участие какое-то в этой готовке?

Inf.: Особо нет, только иногда такое там, чистить, что-то такое. В основном как бы нет. Но так как была еще готовка наша дополнительная обычная домашняя, то есть там хлеб вот этот печь. Вот это им больше всего понравилось, эта система. Потому что мама просто так этим не занимается, да, и плюс просто цена хлеба вообще очень сильно возросла даже на то, что было, и получилось, что как бы намного было выгоднее печь. И плюс тут это как бы свежий, вкусный хрустящий хлеб, который ну ладно, вот и так в этом они принимали участие. Плюс я пыталась, чтобы они сохранили какую-то такую реальность, что все будет нормально. Потому что первое время, когда брат там себя как-то плохо вел, мама говорит: «все, завтра пойдешь со мной на работу. Раз ты К. не слушаешь, ты пойдешь со мной на работу». И он уперся, мол, «всё, я не выйду из дома, я никуда не пойду». Мы сначала ничего не поняли, а потом, когда я с ним поговорила, оказалось, что он просто боится выходить из дома, потому что дома он себя чувствует безопасно. А там он чувствует себя небезопасно. И

это было просто как типа наказание, «ты вот не хочешь делать уроки, давай это», чтобы как бы сохранялось вот.

Int.: Как наказание?

Inf.: Вот, и потом, когда ходила в магазин обычно я сама, и говорю: «давайте пойдете со мной, там купим киндеры или что-то такое, ну какой-то такой». И Маша говорит: «а вдруг будет тревога? А что мы будем делать?» Говорю: «ну пойдём в магазин, который близко-близко к дому, мы пойдём быстро-быстро, у нас там есть пару минут, есть десять минут». Ну нет по сути какой-то формулы, чтобы они чувствовали. И мы шли действительно, мы как-то пошли, и действительно была тревога по дороге уже обратно. Боже мой, она так начала бежать. Это на самом деле было этот, я говорю: «Маш, у нас есть 10 минут, мы сейчас быстренько дойдем», и Миша был со смарт-часами. И они прям действительно засекали это время, чтобы мы действительно успели. Там идти как бы меньше, но она прям пришла вот в таком чувстве: «я туда больше не пойду, я буду сидеть здесь». И были много раз, когда они собирались выходить на улицу, во двор хотя бы погулять. Только собрались, оделись – там тревога. Надо обратно заходить. То есть как бы как будто уже, хотя бы там на какую-то площадку, ну хоть что-то, куда-то повести, что-то сделать. Плюс у нас есть соседский мальчик, он Мишиного возраста, он в другой школе учится. Они обычно друг к другу ходят в гости, и он пришел к нам в гости, и как раз тоже была тревога и он говорит: «ой, а у меня папа не сидит, а мы ничего типа не делаем». А мама говорит: «а у нас сидят, мы туда приносим ноутбук, мы там смотрим фильм, пока все этот. Мы сидим, кушаем, пьем чай, но мы сидим здесь». И он это воспринял тоже такое, как хавайя такая. Ну сидим на матрасах, можно, все можно, да? Вот, и [*выходит на какое-то время.*]

01:34:20

Int.: Ага, и значит вот дети, и сколько это продолжается? Когда вы решили, что вы едете и одна едете?

Inf.: Я периодически как бы каждые пару дней. Во-первых, мне присылали много знакомых из разных мест, уже некоторые, которые выехали из Киева в Израиль, что «попытайся добраться до Киева». И я записалась как бы в такие группы, чтобы как бы было приехать не одной, чтобы была какая-то группа с эвакуацией.

Int.: Но это не еврейские?

Inf.: Это в основном все были еврейские. Они в какой-то момент вывозили не только еврейскую общину, они вывозили еще людей, когда у них особенно оставалось место. Но они всегда говорили: «вы должны понимать, что в основном мы вывозим людей из нашего города, поэтому вам нужно быть или здесь по месту, или успеть добраться». То есть раз они позвонили вечером, это был комендантский час. А утром нужно было быть в Киеве, в общем, все это очень проблемно. Вот как это еще сделать? И поэтому я как бы проверяла, но было пару раз, когда, то есть сегодня на сейчас, прям вот сейчас. Я просто, говорю, физически не успею добраться и плюс была действительно проблема с бензином. Во-первых, были огромные очереди. Во многих местах вообще не было бензина. Во-вторых, у меня на тот момент не было водительских прав, и даже, ну то есть я водить умела, как бы я еще не получила водительские права, я была в процессе.

Int.: А у мамы нет машины?

Inf.: У папы есть машина, но для того, чтобы поехать... То есть я могу взять машину, но я же не могу ее вернуть обратно. То есть оставить где-то машину – тоже не вариант, когда это прям спасение, когда здесь есть машина сейчас. То есть арендовать машину не было где, никто уже не, такого не было ситуации, понятно, ни у кого взять. И плюс – это опять же ехать одной до границы в сторону Польши, ну ехать часов 12-13, то есть я говорю, я просто как бы никогда не ездила, я столько не ездила за рулем. И плюс это по плохим дорогам, это не все центральные трассы, поэтому вариант такой я не рассматривала, поэтому где-то уже к маю пустили поезда, уже вернули поезда, уже напрямую из Лубён.

Int.: К маю где-то?

Inf.: Где-то да, уже к маю, к концу мая, вот. Но на них не было билетов, я все время звонила в кассу, она говорит: «билетов нет», но так как поезд едет через Лубны в Киев, на эти поезда просто скупались билеты сразу на кассах. На центральных вокзалах, которых у меня не было возможности добраться, поэтому мне легче было отлавливать билет через интернет.

01:37:13

Int.: То есть можно ли сказать, что на самом деле эта ситуация была типичной, и именно поэтому беженцев не там 20 миллионов, а 8 миллионов? То есть большее количество людей убежало бы, если бы от маленьких городов центральных..?

Inf.: Да, я думаю, что да. Потому что, во-первых, не у всех есть транспорт. А если бы и был транспорт, нечем его заправить. Ну вот какие-то такие технические моменты, плюс много были тоже одни или как бы пожилые, ну никак выехать.

Int.: То есть беженцев могло бы быть гораздо больше?

Inf.: Беженцев могло бы быть гораздо больше, то есть много людей, которые уже готовы были куда-то ехать, только они должны понимать хотя бы куда. Что, как это всё будет. Что те, у кого есть какие-то родственники за границей, в какой-либо стране в Европе, то они хотя бы приблизительно понимали, куда себя направлять. Им надо добраться до границы. У меня у папы есть друг детства, он живет в Харькове, и он плюс-минус в начале вывез жену на границу с Польшей, чтобы она добралась уже сама до Германии. Но они добирались больше недели. Как бы с перекладными, пересадными, с маленькими детьми и так далее, плюс...

Int.: Ну по крайней мере, они знали.

Inf.: Да, и он добрался, вернулся обратно и в Харьков. Он какое-то время, он приехал в Лубны, у нас побыл. Мы ему предлагали остаться, он говорит: «нет, я поеду обратно». Вот, и я думаю, что да, я думаю, что, скорее всего, выехало бы больше людей. Нет, была такая часть людей, такие, как моя мама, еще такие: «нет, если все повьезжают, некому будет защищать, нам нужно защищать, это наша территория, наша земля, давайте». Ну если все выедут, как...

Int.: Ну речь идет о гражданском населении.

01:38:58

Inf.: Но все равно гражданское население готово было делать, вот, допустим старшеклассники в школах делали эти коктейли Молотова, был урок химии по сути. То есть вот 8-9 класс, это вот то, что они делали на территории школы. Это собирали вот и пенопласт, и эту серебрянку, это всё что нужно для, из чего его можно сделать.

Int.: Пенопласт для коктейля?

Inf.: Пенопласт, есть какой-то вариант, что он как-то там горит. Ну, в общем, какие-то еще варианты. Такой у них был урок химии, скажем так. То есть в какой-то момент кто-то пришел и принес два ящика этих готовых. Плюс собирали для него бутылки, чтобы люди приносили бутылки. Принесли два готовых к маме в магазин. Она говорит: «все, что угодно мне в магазин – этого мне в магазин не надо. Вот там собирают где-то там в одном месте, вот пусть туда несите. Вот этого мне сюда не надо, пожалуйста».

Int.: А ядерную бомбу, пожалуйста, отложите в сторону.

Inf.: Ну вот да, все, что угодно, мне сюда несите, то есть любые там стройматериалы, все, что есть у людей. Но вот это, пожалуйста, не надо.

01:40:03

Int.: Ну и как вы выходите из положения?

Inf.: Вот, в итоге я начала смотреть, как сделать, ну какой-то период я прям постоянно. То есть я когда узнала, что есть поезда, я знала, что есть такой вариант, то есть я услышала, что есть вариант доехать до Киева. С Киева доехать до Хелма, Хелм – это Польша. И с Хелма есть поезд в Варшаву.

Int.: А из Варшавы уже в Бен-Гурион?

Inf.: Вот да, вариант такой, это который более-менее логичный, чтобы не ехать с Полтавской области в сторону Румынии через все эти, то есть туда как бы не вариант. То есть или в Румынию, или в Молдавию – туда как бы нет. То есть нужно или в сторону Венгрии, или в сторону Польши. Потом на тот момент тоже начали ходить рейсовые автобусы, которые везли некоторые до аэропорта, некоторые до разных городов. Но тоже иногда было место, иногда не было места. Они в основном уезжали тоже из Полтавы. То есть нужно было добраться до Полтавы все равно, чтоб сесть в автобус.

Int.: Это май?

Inf.: Да, это уже как бы вот, я выехала как раз к 9 мая, почти, там 8-9 мая, и было очень много предупреждений, что мне не надо ехать в эти даты. Но вот в итоге все было очень приблизительно нормально.

Int.: Предупреждений официальных? Или тоже в народе?

Inf.: Официальных, было уже такое как бы, что мол и значимость даты – 9 мая.

Int.: Что могут ударить?

Inf.: Да, да, то есть вообще на все праздники, когда была Пасха и все такое, говорили: «пожалуйста, не надо скопления людей, не давайте возможность скопления людей, давайте не будем давать возможность, посидите, пожалуйста, по домам».

Int.: Хотя вон Краматорск, тоже маленький город, я думаю, приблизительно такой же по размеру, помните, что там было.

Int.: Да, да.

Inf.: И просто какой-то обычный день.

Int.: Вот и я как бы отыскиваю все эти билеты, проверяю варианты, как это вообще рассчитать этот маршрут, как можно ехать. Потому что вообще существует поезд прямой Киев-Варшава, но на него билеты я вообще никак не могу заказать. И потом мне просто предлагают в колл-центре Укрзалізниця, это как бы это, они предлагают, что есть вариант еще такой через Хельм. На него, говорит, он ездит по маршруту два раза в неделю, ну как бы чуть чаще, на него и больше билетов. Так как он не прямой, он с пересадкой. Вот, и в итоге я увидела на него билет, я заказываю на него билет.

Int.: И уже понятно, что вы одна едете?

Inf.: Да, уже понимаю, что я одна еду, я еще у мамы переспросила, она говорит: «нет, пока все нормально. Но держим, если что, применяем нашу предыдущую договоренность. Вдруг что – ты первым рейсом здесь на границе, я детей как-то к границе переправлю через кого-то».

Int.: А вы детей забираете?

Inf.: Да, она говорит: «если что, пока пусть остаются со мной». То есть уже немножко есть привыкание к тому, что окей, есть тревоги, есть это. Уже дальше жизнь продолжается, у них там какие-то мультики, не мультики.

Int.: Но с другой стороны, каждый день сообщения: вот спят мирные люди и туда попадают бомбы.

Inf.: Да, да, понятно, поэтому это постоянно. Это каждый день, ну вот как бы так мы и делали, я каждый день проверяла, что происходит. Но для того, чтобы это чуть меньше слушать дома, из-за того, что там есть маленькие дети, где-то включались какие-то фиксика на фоне и так далее.

Int.: Чтобы они поменьше к этому были...

Inf.: Да, да. Ну вот хотя у меня брат сидел, изучал в энциклопедии разные танки. Там просто есть категория – оружие, танки, ракеты. «Ага, говорит. Это на нас полетела такая. Угу, у нее такое-то расстояние». Он сидел изучал. Вот ему это просто было интересно. Я просто зашла, он такой закрывает. Говорю: «что ты делаешь?», он открывает, «ну покажи говорю, что там может быть в этой энциклопедии». Он говорит: «я смотрю, какие на нас летят ракеты». Говорю: «откуда ты знаешь?» – «об этом на телефоне высветилось в новостях». А у него немножко телефон как бы есть. Он говорит: «я посмотрел карту боевых

действий», говорю: «понятно, и...?», он говорит: «надо посмотреть, что у них осталось еще из оружия». Он как бы прочитал какую-то статью, которая у него высветилась в уведомлениях.

01:44:20

Он говорит: «я там до конца не дочитал, она была длинная. Я по-русски читаю, но чуть-чуть иногда все-таки путаю, как там нужно читать». Говорит: «там были некоторые сложные слова, но я в общем понял, что они там имели в виду».

Int.: Ему 7 лет, да?

Inf.: Ему сейчас 10, ну просто он по-русски говорит, в школе соответственно украинская мова и так далее. То есть у них это уже официально полностью.

Int.: А дома?

Inf.: Дома говорят больше по-русски, а папа говорит такой, суржик обычно, у папы больше такой. То есть сейчас очень много людей же пытаются перестроиться, вот, и мама мне тоже периодически. То есть, писать она может, но когда я с ней разговариваю, она говорит: «я не могу перестроиться на разговор. Я могу, когда ко мне обращаются люди, так же отвечать. Но вдруг перестроиться – это всю свою сознательную жизнь на другой язык, это просто сложно».

Int.: Она не ощущала как дискриминацию закон о языке?

Inf.: Я помню, когда это было, то есть я еще маленькая была. Я помню, то есть не было такого, ну, было просто неудобно, это большинство людей просто, что было очень неудобно, что вдруг фильмы перевели, вдруг там, не знаю, сайты попереводили. Это все было как-то странно. Говорит: «как мне теперь заказывать продукцию у поставщиков, не знаю, как это называется, я не помню, как там слова».

Int.: То есть неудобно, но как дискриминация это не воспринималось?

Inf.: Нет. Это просто сначала было не очень и удобно, и фильмы переводились, это было очень смешно. Говорю, просто это было смешно всем, ну окей, ну перевели.

Int.: Сами же и смеялись? Потому что обычно русскоговорящие в России смеются над украинскими.

Inf.: Это получается, что сами же и смеялись, так как-то. Но поэтому, так как это было, когда еще мне было там 10 лет, что-то такое, 9, когда это все начиналось. Поэтому люди к этому привыкли. *[говорит с собачкой]*

01:46:08

Вот, и потом я как бы заказывала соответственно билеты, уже меня провожали сами, и в тот день, когда заказываем билет, мы приезжаем на вокзал, меня провожают – и тут тревога. Как раз, когда мы на вокзале. Вот, и приезжаем на вокзал, тревога, поэтому говорят: «поезд будет позже», а есть еще стыковка со следующим поездом, и потом с поездом с Хельма в Варшаву.

Int.: То есть можно опоздать?

Inf.: Да, можно опоздать на следующий. Между ними и так есть пара часов пересадки, но все равно. Поэтому на следующий я не брала билеты. Я брала только до Киева и с Киева до Хельма, а дальше как пойдет. И получается, если я сажусь на этот поезд, меня все провожают как бы. Плюс ехать около 24-х часов, вагон-ресторан и все такое не работает, соответственно, сказали: всю еду с собой.

01:47:14

Int.: А как же вы с кошерной пищей?

Inf.: Во-первых, кошерная доставлялась из склада, все, что у него осталось, есть фирма «Укркошер», это поставщик кошерной еды в Украине.

Int.: Ну не сразу же вам начали...

Inf.: Во-первых, у нас часть было. Во-первых, есть много продуктов, которые и так они базовые кошерные, это плюс рыба.

Int.: То есть вам удалось сохранить кошер?

Inf.: Да, да, меня мама спрашивала в начале всегда: «а что будет?», я ей объяснила, есть такое как пикуах нэфеш, я говорю: «смотри, если вдруг дойдет до этой ситуации, можно есть все. Но пока до этой ситуации не дошло, пока есть просто макароны и картошка, мне важно, я это буду есть». Я ей тоже давала примеры из Холокоста, я говорю, много людей это сохраняли. Говорю, по сути, если прям идти как по Галахе, поэтому, им можно было есть. Потому что для сохранения жизни – это можно, это в первую очередь то, что нужно было сделать. И когда я приехала...

Int.: А похудели вообще?

Inf.: Нет, нет. Даже наоборот, наверное, я ела больше такого мучного, все такое. То есть мы постоянно пекли. Я на постоянной основе не пеку такое, что-то такое. Какие-то там ни пирожки, ни печенья, ни все такое. И вот плюс, ну есть много всего, сразу была доставка в первые дни, когда еще. Как сразу закончился у моей сестры день рождения, я сразу же заказала доставку. То есть я заказала, я не знаю, так я, во-первых, собиралась уезжать, там есть колбаса кошерная очень вкусная, такая как сервелат. Такого плана в Израиле кошерной нету. Там это делает местная фирма, у нее вкусно, у нее такая краковская. Но они это делают по прототипу то, что они помнят, какой вкус. Вот, они это делают там, ну в общем то есть поэтому я заказала это, потому что я собиралась взять это с собой.

Int.: А, это вы с собой сюда хотели?

Inf.: Да, это я сюда везу, у меня тут подружка просит и Диме очень нравится. То есть действительно, сколько мы здесь покупали местную похожую, она не такая.

Int.: То есть большое количество достаточно.

Inf.: Ну не знаю, 5-6 штук каких-то там палок, ну так. То есть какое-то, и плюс я заказала, я знала, что мне еще неделю там находиться, я заказала себе мясо какое-то, курицу, что-то такое. А там доставка обычно Новой почты работает хорошо. Они в 6 вечера, в 5-6 вечера отсылают это из Киева в замороженном виде, плюс аккумуляторы холода. Утром это в Лубнах еще холодное, замороженное. То есть я это практиковала много раз, и доставка работает замечательно. Плюс – это напрямую от поставщиков. Максимум есть доставка еще из другого магазина, из синагоги Бродского, например. У них тоже есть такая же тема, они последние пару лет это практикуют, что можно доставку по всей Украине.

Int.: И не очень дорого, да, наверное? Или как?

Inf.: Вообще нет, по сравнению с израильскими ценами это, во-первых, ну, по сравнению с украинскими ценами – то да, часть продуктов чуть дороже, хотя много вещей у них осталась цена такая же, а в местных магазинах всё поподнимали, поэтому так сложилось, у них много чего не было в наличии. Потому что не было шохета, и не было как бы... Поэтому он говорил как бы «то, что есть на сайте», я поэтому напрямую списывалась «что у тебя есть».

Int.: Я не знаю про шойхета, мне говорили, что хевра кадиша осталась, потому что, так сказать, кадиш читали. И я не знаю, но в общем там костяк, ну то есть синагога Бродского, не на Подоле, оставалась. (...)

Int.: Ага, ну то есть у вас еще какой-то, получается...

Inf.: Да, во-первых, я заказала сразу достаточно большое количество, ну просто потому что в течение недели еще что-то готовить. Мы думали, может, шашлык пожарить, то есть какое-то большее количество, чем мне надо на самом деле. То есть там какое-то оптовое, и плюс мы, что можно разделить курицу, из нее сварить из части суп, вот это то, что мы сделали в итоге. Можно сделать другой. Тут еще вариант подстроиться еще и под детей, которые не все едят. Вот, и в принципе, и потом тоже даже к Пейсаху я делала доставку из кошерных продуктов на Пейсах из того, что у них было, хотя вообще не рассчитывала. Я рассчитывала просто, сейчас будет рыба, картошка, овощи, ну вот есть – и хорошо. Да, то есть в моем понимании это было окей. Ну, думаю, значит, что-то придумаем, да.

Int.: А Пейсах – уже это апрель?

Inf.: Да, да, то есть я уже понимала, что как бы надо что-то придумать, то есть я уже не рассчитывала, что будет обычное пополнение магазинов и доставка как у них обычно есть, понятно, им негде это достать.

Int.: Ну, к тому моменту российские войска уже были отогнаны от Киева.

Inf.: Да, от Киева да, но у них поставка из Израиля, или из Америки, или там у них есть из Бельгии, из Англии. А как бы границы не до конца, вот нету ничего особо. То, что есть в магазинах, то что как мясо, или то, что был кто-то, ну какой-то период была шхита, в какой-то период не было шхиты. Вот, допустим, Укркошер в какой-то период, видимо, не было, потому что он говорит: «вот у меня, допустим, стейки пооставались, у меня крылышки пооставались. Это вот такие части у меня есть, этого у меня нету. Вот я просто говорю со склада. Вот я просто смотрю сейчас на складе, чего есть, чего нету».

Int.: Ну да, а маца была?

Inf.: Маца была, кстати, маца была. Обычно нам ее присылают всегда домой, а в этом году прям пару дней до Пейсаха, а мацы нет. И я говорю: «мам, ну как бы...» «Вообще-то», – говорю, и потом она говорит: «есть старая пачка мацы, она не открытая». Я говорю: «о, вообще замечательно. Она обычно у всех где-то валяется, и никто ее не использует. Это тот вариант, когда она должна использоваться».

01:53:10

Int.: И делали седер, да?

Inf.: Да, мы делали седер, это первый раз, когда я делала что-то такое дома.

Int.: А нету фотографии?

Inf.: Нет, седер я не фотографировала, нет.

Int.: А когда вы в следующий раз будете в Иерусалиме? *(Договариваются о следующей встрече.)*

Inf.: Вот только про Пейсах, я вот действительно рассказываю маме. У мамы до этого уже было, что на корону я оставалась. И на корону получилось, что именно на седер я ездила к своей подруге в Киев, та, которая вот из хасидской общины, и я была у них дома на первый седер, и на второй седер. Так как там их два, и как бы не первый Холь аМоэд, и потом я приехала, соответственно, там было буквально пару дней. Тогда работал кошерный магазин, там было всё, я просто привезла с собой продукты из Киева, никакой доставки, ничего. И прекрасно, мне мама купила тогда. Так как была корона, тоже были магазины закрыты, поэтому дома остался сет кошерной посуды на Пейсах. Который она просто, она говорит: «у меня есть какая-то посуда, которую мне подарили, я ей не пользовалась, вот», и всё это собрала. Просто тогда тоже магазины были закрыты, а ее доставка, ее сайт, через который она заказывает эти электротовары, у них просто тоже есть посуда. Поэтому у нее, как бы к нам посуда просто пришла, доставка вместе с товаром. И это все было, она уже как бы это плюс-минус хотя бы немножко видела, что происходит, поэтому ей тоже было не так странно. И тут как бы я говорю: «слушай, тут надо будет делать вроде как седер». Она говорит: «ой, я помню вроде то, что бабушка делала, когда я...» Когда они организовали первый раз общину, это их было первое, что они – это мероприятие. Она говорит: «это было на нашей квартире. Ну я помню, что там было вино, была маца», она говорит. Я говорю: «а где я была?», она говорит: «ты, наверное, спала». Я говорю: «а где я была?» – «ты была маленькая, ты, видимо, спала», вот, и в итоге я говорю: «мам, надо достать хрен где-то». А как бы не совсем сезон. Она говорит: «а такой готовый, с магазина, не подойдет?» Я говорю: «ну смотри, наверное, в теории он бы подошел, а для Пейсаха это проблемно. Как бы нужен желательно свежий корень хрена, чтобы мы его сами натерли». Мы пошли по разным магазинам, а не сезон, нету хрена. В общем, в итоге это купили у какой-то бабушки, которая продавала это на рынке возле входа, то, что у нее из дома.

Int.: А я думала, вы пошли копать.

Inf.: У нас он не растет, у нас он как-то раньше рос, а там была достройка, и его нет. На самом деле у нас никогда, ну когда-то раньше было. В общем, достали этот корень

хрена. Я еще думаю: «как его делать этот...?» Ну как бы что я всегда была у кого-то в гостях, я никогда не делала его сама.

Int.: Ой, его тереть – это такая жесть.

Inf.: Вот, и ну то есть мы были раз, раз делали седер с Димой дома, потом ходили на седер в гости. То есть я приблизительно, ну опять же, здесь много чего есть готового на месте, и все это как бы не проблема. Говорю: «ну все это, харосет надо сейчас как бы организовать». И в общем, я уже морально подготовилась, что у меня сейчас там будет два дня, я там буду что-то тереть, что-то делать непонятно как. Ну думаю, ладно, как-то организуем. Сколько, думаю, нужно того хрена на харосет, и сколько этого, сколько там его нужно. Вот, и я еще думаю, надо рассказать, ну так как я готовлю сейчас все это время дома, ну и еду как бы обычную, то понятно, что в итоге у всех будет кошерный Пейсах в итоге. И, то есть, ну, папа сказал, а у папы был какой-то такой немного бунт. Они там что-то поссорились с мамой, он говорит: «я дома не ем». И у него как раз попала неделя, когда он не ел дома. То есть дома лежал хлеб, который он всегда себе покупает, потому что мы думали, что он все-таки захочет. Это было буквально пару-тройки дней. А потом они все-таки просто поставились в морозилку, как-то этот... И буквально за день, ну допустим, я не помню какой день, допустим, в среду наступает Пейсах. Допустим, во вторник вечером я пошла встретиться со своим другом детства. Пошла, сидела с ним в кафе, разговариваю. И потом мама по дороге звонит, говорит: «у меня для тебя дома сюрприз». И позвонила, попросила там какой-то чай купила зашла. Ну, сюрприз так сюрприз. Захожу домой, она говорит: «смотри, что нам сегодня привезли». И там стоит один ящик просто этой готовой еды на Пейсах, плюс на количество людей. Во-первых, части со всеми, все, что должно быть в кеара. И сама кеара. То есть как бы уже готовое, уже яйца сварены, уже все сделано, это все из Гадяча, плюс к этому еще и еда, то есть запеченная рыба, какие-то рулеты из мяса, куриные рулеты, салаты. Ну то есть все как бы полностью готово.

Int.: На какое количество человек?

Inf.: На наше количество человек, то есть, допустим, вот на всех человек.

Int.: На всю общину как бы?

Inf.: Да, на всю общину.

Int.: Так это огромное какое-то количество.

Inf.: На всю общину, которая у них есть в списках, фактически они передают, и нам передали, допустим, три набора и два набора, потому что у нас больше людей дома. И я знаю, что все это из Гадяча, из хабадской общины, то есть это все замечательно. И они еще там супер макпедим, у хабадских евреев много ограничений на Пейсах, то есть вообще. То есть мне сэкономили половину работы на следующий день. То есть нужно там делать какую-то еду, но меньше. Она говорит: «подожди, это еще не все». Потом она показывает такую же коробку от федерации еврейских общин. Они обычно присылают каждый раз подарок на праздники, там стояла как бы какая-то Агада сокращенная, кеара, тоже бутылки вина, сока и маца. И маца шмура, ну то есть какой-то там набор. Она говорит: «подожди, есть еще одна». Есть еще одна коробка, а у нас как бы есть одна комната, которая, она в ремонте, и эта комната склад на данный момент дома. То есть ее никто не использует как проживать, ее используют как дополнительная комната. И там огромный ящик, который прислала гуманитарная помощь из Израиля, и там все. Буквально от кокосового печенья, сахар, кофе. То есть буквально все, что даже не было в наличии. А я до этого заказала из магазина, который был там ну с доставкой вместе с мясом, я заказала, там был шоколад, там были конфеты, и еще что-то такое. Ну чтобы я могла Мише с Машей что-то давать, чтобы у них не почувствовали, что это какой-то праздник, что их ограничивают вдруг, что наоборот, это хороший праздник. Думаю, ну раз я уже дома, я уже как-то введу их в курс немножко дела, но как-то легонько. Я никогда не думала, что я буду так в жизни радоваться еде. Там не знаю, какому-то шоколаду, сахару или каким-то таким вещам.

Int.: И вы были рош сейдером, да?

Inf.: Я была рош сейдером, да. Я сразу говорю: «я не уверена, что все, что я рассказываю, я говорю так, как надо», поэтому это была сокращенная года, только базовые части. Все, что прям надо.

Int.: А кто-нибудь 4 вопроса задавал?

Inf.: Они первый раз это спрашивали, просто мы читали это вслух, я это читала вслух по-русски как бы. В основном читала по-русски, чтобы было понятно. Так тоже можно вести. Соответственно, детям очень понравилось, особенно часть там, где можно пить много виноградного сока. И особенно из красивых стаканчиков. Мише моему очень понравилась часть омовения рук. На следующий день, когда уже Маша немножко пошла спать, он говорит: «знаешь, что было классно? Мы мыли руки из стаканчиков».

Int.: А, нетилатницы...

Inf.: Нетилатниц нет, просто стаканчиком. Мы его просто с детства называли хирургом, он после всего ходил мыть руки.

Int.: А, Миша?

Inf.: Да, он каждый раз после всего, когда он там трогал песок – надо помыть руки. Ему это все не нравилось, что у него грязные руки, поэтому говорю – хирург, честно слово.

Int.: А этот афикоман искали?

Inf.: Да, афикоман мы ему спрятали. А Маша уже как бы уснула, и я ему рассказала: «слушай, можно попросить подарок и все такое», и потом он говорит: «ну война, надо, наверное, попросить маленький подарок, да?» Я говорю: «ну, наверное, да».

Int.: А, это он так спросил?

Inf.: Да, он у меня спросил. Потому что до этого, когда у него был день рождения, у него день рождения в феврале, и получается, когда я прилетела на Машин день рождения, то на его день рождения мы подарили общий с мамой подарок, мы купили такую спортивную стенку, которую присоединили, и он знал, что это я прислала деньги и все такое. Но не суть. И он хотел там еще какое-то Лего. И мы посмотрели, что на шекели это Лего стоит почти полторы тысячи шекелей. Это Лего Гарри Поттера огромное. И он говорит: «не, это очень дорого, я вырасту, его себе куплю или попозже накоплю». Ну он понимает, что за 20 с чем-то тысяч гривен никто ему не купит лего. Просто, говорю, лего валяется по всему дому, если бы оно лежало аккуратно, то, возможно, бы у тебя было больше шансов его получить. Если бы знали, что это лего останется там, где надо, и действительно, ему как бы получается, это было как добавок к подарку. А Маше, получается, я немножко привезла, один подарок привезла, она хотела там еще какие-то куклы, которых тут не было в наличии. Я думала, я их куплю в Киеве, а тут как бы началась война, и, соответственно, доставок, уже ничего не было. И мы с ними сговорились на какие-то там сникерсы, киндеры и на домашнее мороженое. Мороженое, лимонад мохито, они там торговались, что можно. Что можно, а что нельзя. В общем, я доставала домашнее клубничное мороженое на афикоман, которое мне нужно приготовить. Говорит: «не, не покупное. Которое ты вот когда-то готовила». Я говорю: «понятно, не все так просто».

02:03:45

Int.: Ну он задал вопрос, что раз война, то подарок должен быть маленький.

Inf.: Да, понятно, то есть как бы до этого было немножко такое объяснение, и плюс, когда приезжали... Плюс тоже мы отбирали их одежду, их игрушки. Ну одежду понятно, они не спрашивали, потому что она маленькая и все такое. А игрушки спрашивали, я говорю: «есть игрушки, которые вы хотите отдать или вы не играете с ними, давайте мы отдадим другим детям, да, им нужны игрушки. Так как это ваши игрушки, мы не можем их у вас просто забрать и решить, какие не нужны. Погремушки вам, наверное, уже не нужны, давайте погремушки отдадим». И вот они ходили там и как бы решали, с чем они готовы расстаться, а с чем они еще не готовы расстаться, да. Что как бы, ну чтобы было какое-то, ну допустим, был набор кукол одинаковый, подарили кто-то второй такой же, который был дома.

Int.: Ну то есть они какое-то количество игрушек отдали?

Inf.: Да, да, ну чтобы было какое-то такое понимание, что вот у них нету, говорю: «дети приехали, скорее всего приехали вообще без игрушек, у них вообще нет ничего». То есть ну чтобы как-то...

Int.: Они понимали, да, что вот беженцы...?

Inf.: Да, они понимали насколько это возможно, то есть они приходили тоже периодически к маме в магазин. Они видели людей, они видели это всю раздачу, там было вот эти все ящики, расфасованные с одеждой плюс-минус по размеру, и женские, и мужские, чтобы они как бы понимали ну вот. Ну и плюс, когда там было пару раз жалобы – «я, там, борщ не люблю, я там это не люблю». Ну как-то уже вышла фраза: «Миша, не совсем время перебирать. Сейчас куча людей, вообще ничего нет. Они сейчас сидят и мечтают, чтобы у них было где приготовить кушать и так далее». То есть я не знаю, насколько это подействовало, но в итоге они просто немножко более проблемные в еде, чем я. Я была единственным ребенком, поэтому мне что есть – не нравится, иди готовь себе сама. В итоге так и произошло, я в 10 лет сама научилась готовить. То есть как бы то, что мне нравится. Они уже больше такие... выбирают. Но тут все равно плюс минус со мной более строго, чем с мамой. «Потому что с мамы, говорю, вы можете вить еще веревки, я не ваша мама. Я, – говорю, – не ваша мама, со мной чуть меньше договоримся».

02:06:03

Int.: Они просились с вами, когда стало ясно, что вы уезжаете?

Inf.: Нет, они не просились. Они понимали, что они хотят дома оставаться. У них какое-то такое, то есть с одной стороны они хотели: «вот, в Израиле море, поедем на море».

Int.: Они бывали в Израиле?

Inf.: Они не были в Израиле, они собирались как бы. Собирались тоже как раз перед короной, как раз мама собиралась. Потом не был готов, нужно было продлить паспорт вовремя, когда она могла. Потом у нее уволилась работница ее, она уехала жить в Париж. И ей нужно было найти кого-то, чтобы на кого-то оставить магазин. Оставить магазин под охраной там даже на неделю – это проблемно. Нужно, чтобы кто-то там был.

Int.: То есть так еще и не съездили?

Inf.: Да, и вот. Ну они как бы понимают, что там есть, что вот. Потому что вот вчера я разговаривала с мамой вечером, и она мне говорит: «ну слушай, говорит, эта ночь будет тяжелой, так ЗСУ говорит, надо прислушиваться к уведомлениям, все что там есть. Надеюсь, что завтра созвонимся» – про сегодня. И тут как раз Маша пришла на кухню, она говорит: «а почему мы завтра не созвонимся? Конечно, мы позвоним К. Мы еще на море к ней должны поехать, она же на новой квартире». То есть в ее понимании, ну да, я постоянно показывала, рассказывала, что вот там есть еще одна комната, вы можете приехать, ну чтобы как-то, ну тоже разрядить обстановку, не этот, что они спрашивают: «когда вы переедете». Я говорю: «я не знаю, надеюсь скоро, посмотрим».

Int.: Я думаю, что сейчас мы должны прерваться, спасибо вам огромное.

Inf.: Хорошо.

[конец записи]